

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ОТЦЫ ОСНОВАТЕЛИ

16+

Прогрессоры - 3

Юлия Маркова
Отцы-основатели

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Маркова Ю. В.

Отцы-основатели / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1033-5

Третий том приключенческой саги «Прогрессоры». Осень ледникового периода несет дожди и ветра. В преддверии суровой зимы племя Огня трудится без устали, чтобы успеть построить основное жилье. Но размеренную жизнь поселения нарушает появление группы французских подростков из двадцать первого века, оказавшихся здесь совершенно случайно. Удастся ли перевоспитать чужаков, не допустив мультикультурной какофонии? Какие потрясения и открытия ожидают французскую учительницу-феминистку? Героям предстоит отразить нападение туземного клана, совершить поход за солью и встретить удивительных существ, которые также волеются в дружную семью племени Огня.

ISBN 978-5-5321-1033-5

© Маркова Ю. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 9. Осенняя гонка	6
Часть 10. Свалившиеся на голову	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Все лица людей, изображенные на обложке, не принадлежат реальным людям, а получены путем синтеза из нескольких изображений и последующей ретуши, фоновая картинка взята с сайта свободных изображений <https://mirapic.com/>

<https://mirapic.com/wp-content/uploads/2018/07/Nature-Autumn-In-The-Forest-WallPaper-HD.jpg>

Часть 9. Осенняя гонка

1 сентября 1-го года Миссии. Пятница. Пристань Дома на Холме

Нельзя сказать, что вот в августе было лето, а с первого сентября сразу похолодало. Нет, осень подкрадывалась незаметно, заявляя о себе пока только холодными ночами, обильной росой по утрам и долгими густыми туманами. Ближе к полудню, когда солнце разгоняло хмарь, температура уверенно поднималась до уровня в семнадцать-восемнадцать градусов тепла. Нет, по ночам еще никто не мерз, но все же переезд в более капитальное жилище чем шалаши-вигвамы надо было осуществить как можно скорее. Но эта стройка пока встала как минимум на неделю из-за отсутствия жженого кирпича. Сергей Петрович радовался, что хотя бы успел организовать теплое жилье для девочек-подростков и незамужних женщин, которых он уже не воспринимал как наказанных. Работают-то все одинаково, и едят тоже из одного котла.

Так что с утра Сергей Петрович, заглянув в сушилку и, проверив ход процесса, снова углубился в работы на пильном станке. В связи с постройкой керамического цеха опять нужно было заготавливать кровельные доски по спецтехнологии «без сердцевины». Вернувшись после обеда Валера сказал, что с каркасом керамического цеха он закончил и Лизины девки сейчас всей бригадой кладут стены – и завтра с утра, если что, можно будет делать черный потолок. Сергей Петрович тут же ему напомнил, что, кроме каркаса, в керамический цех нужно ставить еще и дверь, а потому арбайтен, арбайтен, фили-фили арбайтен.

Кстати, Серега-младший, хоть нехотя, но второй день сгонял жирок, вместе с Андреем Викторовичем в поте лица долбя в известняке перфоратором выемку под подвал. Полуафриканки, оставшиеся в команде Андрея Викторовича, едва успевали отгребать щебень и куски покрупнее. Дело двигалось, и появилась надежда, что к нужному сроку будет выдолблен подвал хотя бы под одной половиной дома. К тому же кускового известняка на обжиг теперь было хоть отбавляй.

Бедолага Катя только ворчала, что ей одной страшно, и вообще... а что именно вообще, она и сама не знала. Марина Витальевна сказала, что иногда у беременных женщин бывает период повышенной капризности, но, видимо, у Кати этот период протекал особенно остро. Избаловалась девка.

Если бы не необходимость в охране картофельного поля, Сергей Петрович с Мариной Витальевной и ее тоже загнали бы на какие-нибудь нетяжелые работы. Аристократов тут нет. Вот другие беременные бабы работают, и ничего: кирпичи штампуют, одежду шьют, а Нита, например, до самых родов помогала Марине Витальевне по кухне. Вот и сейчас, едва оправившись, снова тяпает ножом по разделочной доске, нарезаая свинину, а маленький Игорек сопит себе курносый носиком в рюкзаке за спиной. Если что не так, то мама всегда рядом – и покормит, и подмоет, и утешит. При этом плакал малыш на удивление мало – возможно, как раз из-за того, что мама всегда рядом, а возможно, и потому, что в местных суровых условиях особо капризные дети просто не выживают.

Кроме всего прочего, сегодня Сергей Петрович и Марина Витальевна приняли решение перевести со штамповки кирпича в швейную бригаду еще двух беременных, примерно на шестом месяце, женщин – бывшую Лань по имени Лана и полуафриканку по имени Туэлэ-Тоню. Сделали они это потому, что рабочих рук у Антона Игоревича и так хватает, а штамповка кирпича – работа хоть не тяжелая, но для беременных не очень удобная. Пусть лучше шьют куртки и мокасины. А в ближайшем будущем, когда закончится кирпичная лихорадка, на легкие работы можно будет перевести и остальных беременных женщин с меньшими сроками.

* * *

2 сентября 1-го года Миссии. Суббота. Пристань Дома на Холме

Сегодня с утра Сергей Петрович полез делать черный потолок над керамическим цехом, а Антон Игоревич, доставив ему на УАЗе доски и все необходимое, приступил к подготовке операции по производству мыла. Для этого в первую очередь требовалось получить поташ из накопившихся за два месяца запасов древесной золы. Дело в том, что вылежанная на воздухе древесная зола, по сути, в основной своей части состоит из углекислого кальция, оксида фосфора и карбоната калия, который, собственно, и есть поташ. Первые два соединения нерастворимы в воде, а поташ, наоборот, вполне растворим, поэтому из золы его выделяют промывкой.

А делалось это так. Кроме золы для операции по получению поташа нужны еще три керамических горшка, по форме напоминающих цветочные. Два поменьше (литра на три), и один большой, на пять литров, с дыркой в дне, как у того же цветочного горшка. В большой горшок на дно укладывался прикрывающий дырку черепок, после чего в него насыпалась и слегка утрамбовывалась зола. Набитый золой большой горшок ставился поверх малого и заливался тремя литрами воды. Когда вся вода стекла вниз, забрав с собой растворенный поташ, отработанная зола из большого горшка выбрасывалась, и он наполнялся новой порцией сырья, после чего устанавливался поверх второго малого горшка и снова заливался уже использованной один раз для промывки водой. И так много-много, раз, пока количество используемой в операции воды не уменьшилось примерно вдвое, а сама она не стала напоминать густой, медленно текущий сироп.

Дальше – маточный раствор поташа надо было перелить из горшка в поставленную на медленный огонь металлическую посуду и выпаривать для получения сухого остатка, который и был тем самым поташем. В качестве такой посуды Антон Игоревич использовал начисто вымытую пятикилограммовую жестяную банку из-под соленых огурцов, установленную на крышу топки одной из обжигательных печей.

Как видите – чистая, так нелюбимая Антоном Игоревичем, кустарщина, к тому же весьма опасная для здоровья, поэтому двум девочкам из бригады Лизы было позволено только набивать горшки золой и выбрасывать в мусорную яму влажную отработку, а все остальное Антон Игоревич делал самолично в респираторе и резиновых перчатках. К вечеру, когда работа по получению поташа была закончена, в распоряжении Антона Игоревича оказалось чуть меньше килограмма сероватого порошка, упакованного в литровую стеклянную банку из-под томатной пасты с плотно закрывающейся крышкой. Этого количества поташа должно было хватить на изготовление около шести килограмм полужидкого калиевого мыла.

В другой стеклянной банке была приготовлена отдушка для будущего мыла – полкило измельченных сосновых иголок, залитых выпрошенной у Марины Витальевны половиной бутылки подсолнечного масла. Эта смесь тоже была плотно закрыта крышкой и поставлена настаиваться в темном, теплом, но не горячем месте, после чего все дальнейшие операции по варке пробной партии были отложены на следующий день, а Марина Витальевна обрадовалась, что очень скоро она получит мыло местного производства.

Тем временем Сергей Петрович, Валера и Алохэ-Анна, вместе с остальными полуафриканками, еще до обеда сделали над керамическим цехом черный потолок, полюбовались на священнодействующего Антона Игоревича и наполовину поднявшуюся уже большую обжигательную печь, после чего направились к себе в цех. Работа там никогда не кончалась.

Вечером Фэра обрадовала (в кавычках) Сергея Петровича.

– Завтра погода портиться, – сказала она, – я чувять.

И точно – где-то после полуночи слабый юго-западный ветерок сменился сильным северо-западным, ближе к северному, ветром, несущим ледяное дыхание Арктики, темпера-

тура резко упала, а небо затянуло плотной пеленой облаков, через которые не проглядывали ни звезды, ни луна, и заморосил мелкий дождик.

* * *

3 сентября 1-го года Миссии. Воскресенье. Пристань Дома на Холме

Утром, когда рассвело, холодный ветер немножечко утих, дождь прекратился, но небо оставалось сплошь затянутым серыми облаками, через которые не проглядывало солнце. Лист на деревьях пока еще оставался таким же зеленым, но было ясно, что наступает неминуемая осень. Правда, примерно к полудню в сплошном облачном одеяле начали появляться разрывы, через которые призывно заголубели кусочки неба, но это все равно было уже не лето, и температура даже днем не поднялась выше пятнадцати градусов. Короткое лето ледникового периода подошло к концу, и ни о каком купании в речке, даже днем, теперь не могло быть и речи. Требовалось как можно скорее вводить в строй баню.

Тем временем процесс переодевания полуафриканок в демисезонную одежду шел своим чередом, вчера вечером куртки получили последние из девочек-подростков, а для того, чтобы до конца одеть взрослых женщин, швейной бригаде Ляли требовалось еще три дня.

– Совсем немного не успели, – сказал за завтраком Ляле Сергей Петрович, – но вы уж теперь, милые, навалитесь на работу и чем скорее вы ее закончите – тем будет лучше. Простуды нам тут не нужны.

К примеру, женщины и девочки бывшего клана Лани сегодня вышли на работу в своих традиционных штанах и парках, отложив юбочки и топики до следующего лета, а их темнокожим подругам, еще не получившим свои куртки, для того чтобы согреться, оставалось только стараться как можно больше двигаться.

Сразу после завтрака Сергей Петрович и Антон Игоревич отправились на «кирпичный завод», проверить как перенесли осеннюю непогоду временные тростниковые навесы, под которыми сушился и хранился сырцовый кирпич, а также уложенный вчера девочками утеплитель черного потолка керамического цеха. Убедившись, что все в порядке, Сергей Петрович тут же, не откладывая дела в долгий ящик, приготовился лезть крыть на нем крышу, а Антон Игоревич сперва перевез ему из цеха весь запас кровельного пиломатериала, а потом вернулся в береговой лагерь, где приступил к осуществлению руководства мыловаренным процессом. Для организации водяной бани был выделен один из малых котлов на двадцать пять литров, а главным мыловаром была назначена Лиза.

Когда вода в котле согрелась до такой температуры, что ее уже не терпела рука, Антон Игоревич, отлив оттуда один литр, двести миллилитров по весу в трехлитровую стеклянную банку водрузил поверх котла с горячей водой специально сконструированный для этого тазик с приготовленными к растапливанию тремя с половиной килограммами свиного смальца. После этого они с Лизой, работая в перчатках, защитных очках и респираторах, начали разводить в горячей воде отмеренные девятьсот грамм сухого поташа. Антон Игоревич понемногу, тонкой струйкой, всыпал поташ в банку, а Лиза размешивала эту смесь большой ложкой.

Тем временем вода в котле закипела и смалец в тазике начал таять, растекаясь по его дну прозрачными потеками. Чтобы ускорить процесс, Лиза начала помешивать смесь деревянной лопаточкой, и делала это до тех пор, пока в тазу не осталось ни одного нерастаявшего комка; после чего она продолжила мешать, а Антон Игоревич начал тонкой струйкой вливать в расплавленный жир горячий раствор поташа. Когда была проделана и эта операция, Антон Игоревич ушел к себе, а Лизе оставалось только держать эту смесь на водяной бане «отсюда и до обеда», постоянно перемешивая своей деревянной лопаточкой, для того чтобы не допустить образования корочки.

Когда Антон Игоревич вернулся к себе на кирпичный завод, работа там уже кипела вовсю. Сергей Петрович со своими помощниками, постоянно поглядывая на небо, орудовал на крыше, а девки из бригады Лизы, несмотря на довольно прохладную погоду, бегали взмыленные как лошади. Сегодня они должны были поднять стены до самого верха, после чего завтра, когда из обжига выйдет последний необходимый для этой работы кварцевый кирпич, им останется только перекрыть свод и усе – печь можно будет ставить на просушку. Воистину – комсомольская стройка. Другая часть бригады лихорадочно штамповала кирпичи, ведь уже было ясно, что уходят последние более или менее погожие дни.

К обеду работа на крыше керамического цеха была полностью закончена, а над стенами печи предстояло работать еще часа два. Когда Антон Игоревич пришел в береговой лагерь, то обнаружил у Лизы в тазике над водяной баней густую коричневую кремообразную массу, запах которой подсказывал, что это есть ни что иное – как самое настоящее мыло. Осталось только снять готовый продукт с водяной бани, влить в него в качестве пережиря триста граммов ароматизированного сосновой хвоей масла, и, как следует все перемешав, оставить остывать до следующего утра в прохладном укромном месте. Для разливки мыла по емкостям Мариной Витальевной уже были приготовлены вымытые литровые ПЭТ-бутылки из-под подсолнечного масла. И вообще, за все время пребывания в каменном веке она не выбросила ни одной пустой пластиковой бутылки, стеклянной или металлической банки. Это в двадцать первом веке они были мусором, а тут вдруг сразу стали полезными изделиями, которые еще не раз могут пригодиться в хозяйстве.

После обеда освободившийся от крыши керамического цеха Сергей Петрович снова обратил свой взгляд на баню. Стены в ней изнутри нужно было обшить тонкой сосновой планкой, уложить сливной трап и вывести в канаву канализацию, настелить полы, а также изготовить скамейки со столом в предбанник, и полки в парной. Вот этим-то делом в ближайшие три дня он и собирался заниматься.

* * *

4 сентября 1-го года Миссии. Понедельник. Пристань Дома на Холме

Прямо с утра клан Прогрессоров «дегустировал» изготовленное Антоном Игоревичем и Лизой мыло, больше похожее на густые липкие желто-зеленые сопли. Мыло получилось вполне себе ничего. Несмотря на свой не очень презентабельный вид, оно пахло сосновой хвоей и давало стойкую и крепкую белоснежную пену. При этом у младших детишек, семи-пяти лет от роду, появилась еще одна забава – Ляля научила их пускать через тростинку большие радужные мыльные пузыри. Как говорится, кому что – кому работа, а кому развивающие игры.

Погода, кстати, за ночь снова поменялась – еще больше похолодало, ветер был уже скорее северный, чем северо-западный, а облачность из сплошной с разрывами превратилась скорее в переменную. Что называется – сухо, да холодно. При этом Фэра сказала Сергею Петровичу, что скорее всего через два-три дня этот первый натиск холодов отступит, и одну-две руки дней будет держаться относительно теплая и сухая погода, после чего на деревьях начнет желтеть лист и наступит уже самая настоящая осень с дождями и ночными заморозками.

Сергей Петрович при этом подумал, что по их родному григорианскому календарю сегодня только двадцать четвертое августа, так что, в принципе, все правильно – немного времени у них еще есть.

Прямо с утра Антон Игоревич привез на стройку бани шестьсот новеньких кварцевых кирпичей, и сообщил, что бригада кирпичекладчиц и бетономешалка будут после обеда, а завтра он привезет еще шестьсот штук. После этого сообщения работы на бане приобрели новый импульс. На очереди встали: выравнивание грунта под ванну для горячей воды и пол в парилке,

прокладка канализации с трапом и выкапывание чуть поодаль сливной ямы. Этими делами под руководством Сергея Петровича и занялись полуафриканки во главе с Алохэ-Анной.

После обеда, когда явились девочки из бригады Лизы, чтобы класть кирпич, фронт работ для них был уже готов. Сергей Петрович лично объяснил им, что и как надо выкладывать и работа началась. Сам же Сергей Петрович занялся непосредственно канализацией, выводящей сточные воды в сливную яму.

К вечеру, когда Марина Витальевна застучала на ужин, яма для слива воды была выкопана, пластиковые канализационные трубы уложены в канаву и засыпаны, а сливной трап забетонирован на своем месте. Девочки из бригады Лизы тем временем, потратив почти весь привезенный кирпич, выложили утопленный на две трети в парилку очаг, который потом внутри парилки будет обложен булыжниками, а также дымоходные каналы, согревающие ванну с водой. Собственно, до самой ванны руки у них должны были дойти уже завтра, когда Антон Игоревич привезет еще кирпича.

Вечером, после ужина, Ляля вручила пошитые ею куртки последним, самым старшим полуафриканкам, в том числе и Алохэ-Анне, и сказала Сергею Петровичу, что теперь ее бригада переключается на пошив мокасин, на что уйдет еще дня четыре.

* * *

5 сентября 1-го года Миссии. Вторник. Пристань Дома на Холме

С утра Антон Игоревич привез Сергею Петровичу обещанные вчера шестьсот штук кирпича и сказал, что сегодня он будет запускать в работу печь по обжигу известняка, благо что она уже совсем просохла, а посему нельзя ли загрузить ему кузов по самое «не хочу» горбылем и прочими ненужными обрезками.

Пока полуафриканки занимались разгрузочно-погрузочными работами, Сергей Петрович быстро объяснил и показал девочкам из бригады Лизы, как именно им надо класть ванну. После чего, оставив на хозяйстве Валеру, загрузил в кузов помимо горбыля несколько досок и брусьев, и, взяв мосинку, необходимый инструмент и банку с клеем, отправился вместе с Антоном Игоревичем на холм, чтобы поставить загрузочную эстакаду и посмотреть какие там вообще произошли изменения.

Кроме всего прочего, Сергею Петровичу еще нужно было наметить место, где он будет ставить кипелку и ванну для замешивания известкового раствора, которые будут необходимы через пять дней – то есть к тому моменту, когда из печи выйдет первая негашеная известь. Ну, о езде по просеке с торчащими пеньками мы уже рассказывали – удовольствие это еще то – но все же триста пятьдесят метров есть триста пятьдесят метров, и довольно быстро УАЗ докатился до цели.

А там изменения были просто эпохальные – будущий подвал был уже выдолблен на две трети, а рядом, практически вдоль всего будущего Большого дома грядой громоздились кучи колотого известняка примерно шести метров по подошве и двух метров в высоту. По грубым прикидкам Сергея Петровича, было там ее около ста пятидесяти кубометров насыпью, то есть на шестьдесят циклов обжига печью и почти год ее непрерывной работы. На стройку Большого дома не уйдет и десятой части уже наломанного известкового щебня, а ведь это совсем еще не конец. Да, не додумали они с этим подвалом, хоть он в общем-то нужен, и работы по нему останавливать никак нельзя. А полуафриканки из бригады Андрея Викторовича, все возили и возили своими тачками отколотый перфораторами камень.

– И вообще, – подумал Сергей Петрович, – где тут ставить кипелку, когда все подходы к печи сплошь завалены сырьем?

Антон Игоревич, напротив, был настроен весьма оптимистично. Мол, был бы известняк, а уж куда его пристроить всегда найдется. Весной, кстати, понадобится флюс в домну в немалых

количествах, а вот он у нас уже есть, лежит себе и есть не просит. Кроме того, не последняя это будет стройка, далеко не последняя, чувствует его, Антона Игоревича, сердце.

Обойдя всю территорию по кругу, Сергей Петрович решил, что пристроить кипелку с ванной теперь можно только сбоку от печи, и то только в том случае, если на сторону смотрящую на берег, перестанут таскать битый камень. И брать известняк на обжиг надо в первую очередь именно с этого края, чтобы начинать понемногу расчищать подходы, а то они замучаются таскать вокруг куч уже готовый раствор. Объяснив все это Антону Игоревичу и подошедшему Андрею Викторовичу, Сергей Петрович направился сооружать загрузочную эстакаду. Дел там было – раз плюнуть, горловина возвышалась над уровнем грунта всего на полтора метра, к тому же треугольник из опорных столбов для эстакады был выложен так, как он и просил. Им вдвоем с Антоном Игоревичем тут на час работы, не больше.

Закончив с этим делом, Сергей Петрович на одно плечо повесил мосинку, на другое сумку с дрелью и электроножовкой и, пожелав Антону Игоревичу успешного запуска печи, направился к себе на стройку. Там тоже еще было много дел. Ведь для того, чтобы использовать уже построенную баню, кроме всего прочего, нужен и банный инвентарь: тазики для мытья и ковши для кипятка, и все это еще предстояло сделать – опять же без единого металлического гвоздя или обруча. Недаром поверх каркасного бруса он забросил в сушилку несколько досок сантиметровой толщины. Если они дошли до кондиции, то можно будет приступить к работе. Его предки такие ковши и тазики делали, а он мастер не хуже их, и к тому же куда лучше оснащенный.

Доски, как оказалось, до требуемой кондиции еще не дошли. Требовался еще день-два, но, впрочем, сушка шла вполне успешно – промазанные мастикой торцы не трескались, и примерно половину влаги за пять с половиной прошедших суток древесина уже потеряла. Теперь можно было распорядиться бросать в топку чуть больше дров, чтобы поднять температуру градусов до восьмидесяти, а пока стоило заняться непосредственно баней: закончить обшивку парилки досками, вымостить пол кварцевым кирпичом, сделать полки и решетки под ноги, и провести, в конце концов, воду.

С водой была связана еще одна проблема. Нынешний колодец с насосом находился на другом конце промзоны, метрах в сорока от бани, и был предназначен для питания водой ямы для замачивания кирпичей и замешивания глиняного раствора. Кроме того, когда все они переберутся жить из шалашей-вигвамов в береговом лагере в свое новое общежитие, то переехать должна будет также и столовая, а ей тоже нужна вода.

При этом надо учитывать, что погода будет становиться все холоднее и холоднее, так что параллельно с доделкой общежития надо браться и за капитальную столовую – со стенами, нормальной крышей и отоплением. Скоро готовить на открытом воздухе и есть просто под навесом будет как-то не комильфо. А следовательно им с Валерой опять надо засучить рукава, и, отбросив все прочие дела, браться за этот фронт работ, а пока баня, баня, баня.

Примерно полтора часа спустя, услышав шум мотора подъезжающего УАЗа, Сергей Петрович вышел на улицу, чтобы поговорить с Антоном Игоревичем насчет нового колодца и скважин под столбы столовой.

– Скважины под столбы сейчас, – сказал Антон Игоревич, которому тоже не улыбалось вкушать пищу на ледяном ветру, – а новый колодец чуть попозже. Это совсем не минутное дело.

На этом и договорились. Антон Игоревич уехал за буровым станком, а Сергей Петрович пошел поднимать по тревоге Валеру. На носу был еще один аврал, а каркасы домов – это уже по его части. Пока они с полуафриканками готовят пиломатериал под столбы, девочки из бригады Лизы закончат мостить пол кварцевым кирпичом, и после обеда присоединятся к новой работе.

* * *

6 сентября 1-го года Миссии. Среда. Пристань Дома на Холме

С утра гонка наперегонки со временем продолжилась все в том же авральном режиме, причем на всех объектах сразу. Первым делом с самого утра Антон Игоревич торжественно принимал в эксплуатацию печь по обжигу известняка. Ну как торжественно – красная ленточка для перерезания отсутствовала, известняк и топливо под колосник были загружены еще с вечера, чуть в стороне от печи неярким пламенем горел небольшой костер, вокруг которого грелись несколько озябшие девочки – строительницы печи. В него же была брошен достаточно длинный обломок смолистого ствола молодой сосны, который уже занялся жирным коптящим пламенем. Под одобрительные кивки Сергея Петровича и Антона Игоревича бригадирша строителей, девочка по имени Сэти, вытащила из костра этот импровизированный факел и спустилась с ним в ровик к топке печи. Настал момент истины. Если топливо и известняк были сложены в печи правильно, то все должно пройти хорошо, а если нет, то вот это действительно будет настоящая неприятность, поскольку разгружать уже загруженную печь – это такой ужасный геморрой, которому нет равных.

Но все окончилось хорошо. Как только Сэти поднесла факел к растопке, то огонь жадно лизнул сложенные шалашиком сухие смолистые веточки, после чего, как будто в печь плеснули бензина, с гудением охватил сложенные дрова, а над горловиной печи поднялся столб густого белого дыма, который по совместительству и преимущественно был паром. Сыроват оказался известняк, сыроват. Но все равно, как выражался небезызвестный Остап Ибрагимович, «лед тронулся, господа присяжные заседатели».

Расцеловав на радостях и юную бригадиршу, и ее подчиненных, не делая различий между девочками клана Лани и взрослыми полуафриканками, Сергей Петрович и Антон Игоревич дали последние инструкции по поводу того, как поддерживать огонь в печи. Шалаш-вигвам для тех, кто будет ее топить в ночное время, был уже готов, оставалось только решить график дежурства для одного вооруженного мужчины, который должен будет охранять топильщиц от всякого рода ночных хищников и прочих лихих прохожих.

Но тут возникала еще одна проблема. Хоть мужики все были женаты и довольны своей семейной жизнью, то о большинстве девок этого сказать было нельзя. Даже подростки из племени Лани то и дело прикидывали, как бы, если можно так выразиться, заполучить себе немного сладенького, а уж о полуафриканках можно и вовсе промолчать. Шутка ли – больше двух месяцев без секса... а с их темпераментом можно ждать всего, чего угодно, вплоть до группового изнасилования.

Единственный вариант, до какого додумался Сергей Петрович, так это организовать ночные посменные семейные дежурства. Например, сегодня огонь в печи по обжигу известняка будет поддерживать он сам, оставив Лялю и Илин с ее годовалой дочкой на хозяйстве и взяв в помощницы Алохэ-Анну и Фэру, а завтра тем же самым займется Андрей Викторович со своим семейством. Впрочем – отставить! Если обжиг будет идти так, как рассчитано, то уже завтра вечером можно будет последний раз забросить в печь дрова и идти отдыхать – с расчетом, что как только все прогорит, печь начнет остывать, и уже послезавтра утром можно будет приступать к выгрузке готового продукта. А пока девочки должны приступить к кладке кипелки. Никому не нужна негашеная известь, если ее нельзя загасить и превратить в так нужное на стройке известковое тесто.

Вернувшись к себе на стройку, Сергей Петрович еще раз проверил как идут работы. Валера уже почти собрал каркас столовой, и это было хорошо, а девочки Лизы частью работали в общежитии, осваивая на канне поступивший жженный кирпич, а частью продолжали отделку бани, которой до готовности оставалось совсем немного. Сергей Петрович первым

делом заглянул в общежитие, но там все шло по схеме, отработанной еще в сушилке, потом он заглянул в баню и еще раз посмотрел, как из кварцевого кирпича сложена ванна, и как им же вымощен пол. Убедившись, что работа была проделана хорошая, он распорядился, чтобы Лиза с девочками продолжила обшивать планками стены, а сам полез в сушилку за заготовками шаяк, ковшей и прочего банного инвентаря.

Им он и занимался до самого вечера с перерывом на обед, пиля и строгая сухие планки, подгоняя их по месту, и за неимением железных обручей скрепляя заранее высушенными кольцами из лозы. К вечеру две шайки и три ковши у него были уже готовы, и теперь их надо было замочить в воде, чтобы хорошо просушенная древесина разбухла и насмерть расклинила конструкцию этих предметов банного обихода – и это без применения клея или там гвоздей.

Уж очень Сергею Петровичу хотелось устроить уже в эту субботу самый настоящий банный день, да и остальные члены их команды были только за. Купаться в речке было давно уже нельзя, и как от женщин, так и от мужчин начало уже откровенно припахивать. Сдача бани в непосредственную эксплуатацию должна была стать очередным этапным моментом в их налаживающейся жизни, в которой теперь имелось место не только сытости и безопасности, но и определенному комфорту.

И вообще, пока идет стройка, баня должна быть готова к работе, так сказать, в перманентном режиме. Пусть это означает дополнительный расход мыла и дров, но чистоту тела необходимо поддерживать, потому что это здоровье, которого не купишь. Кроме того, торжество субботнего банного дня должно скреплять семейное единство тем милым домашним эротизмом, которого так не хватает в тесных полутемных шалашах-вигвамах. Не зря же наши предки говорили, что в субботу опосля бани и грех не грех. Всем прочим аборигенкам, даже самым юным, тоже отнюдь не вредно будет приобщиться к достижениям культуры с мылом, мочалкой, парком и веничком. Банным инструктором для девочек-подростков и незамужних еще женщин вызвалась быть Марина Витальевна. Она и беременных сторяча не перепарит, и даст, что называется, всем просрать, изгоняя из тела хвори и лень из души.

Эту ночь Сергей Петрович, как и планировал, провел вместе с Алохэ-Анной и Фэрой в вигваме-шалаше, рядом с печью по обжигу известняка. Поддерживать огонь – дело нехитрое, но ответственное, а так как своих жен Сергей Петрович заранее предупредил об этом мероприятии, то каждая из них притащила с собой якобы по помощнице, а на самом деле это смотрины новых кандидатур в шаманские жены. Женят бедного мужика прямо на ходу, не желая пускать этого дела на самотек, и тому никак от этого не увернуться.

Алохэ-Анна привела ту самую Ваулэ, которую Сергей Петрович звал просто Вале́й и которая ему понравилась во время оно, когда они укладывали на просушку в сушилку бруссы, доски и прочий пиломатериал. И девка тоже при виде Сергей Петровича просто писала кипятком. Какой представительный мужчина, заботливый муж и добрый отец для своих приемных детей, к тому же великий шаман, и один из вождей клана.

Очевидно, Алохэ-Анна решила, что добавить в семью еще одну свою товарку-соплеменницу будет совсем неплохо – и вот теперь эта Ваулэ-Валя сидит у костерка, шурясь в огонь, и со счастливой улыбкой блаженно шевеля длинными смуглыми озябшими пальцами ног, ибо вместе с меховыми курткой и штанами на ногах у нее надеты легкие сабо, которые сейчас совсем не по погоде. Алохэ-Анна специально посадила эту Ваулэ-Валю между Сергеем Петровичем и собой, с намеком, что он может ее обнять-поцеловать, а со стороны законной жены не последует никаких возражений.

С другой стороны от Сергея Петровича сидит бывшая бунтовщица Мани, которую на это мероприятие притащила Фэра. Скромненькая вся такая девятнадцатилетняя девочка, которой хочется досрочного снятия табу, новой семьи, детей и прочих человеческих радостей, а уж выйти замуж за великого шамана – для нее так это и вообще вершина счастья.

Мани вообще очень удачливый человек, свою первую дочь она родила в тринадцать лет. В этом возрасте от такого обычно умирают, а она не только выжила сама, но сумела сохранить жизнь своей немного недоношенной дочери. Правда, тут, как рассказывала Фэра, пригодились и ее лекарское искусство, и жаркая любовь мужа Мани, который сдувал пушинки со своей хрупкой малолетней жены и слабенькой дочери, готовый, если надо достать для них хоть луну с неба.

Второй раз Мани родила три года назад, и тоже дочку, здоровую, крикливую и краснощекую, и все в их семье было хорошо аккурат до того момента, пока на стоянку клана Лани не напало впавшее в людоедство полуафриканское племя Тюленя. Мани была из тех, кто не смог убежать от налетчиков, потом к месту событий явился клан Огня и устроил всем суд, строгий и справедливый. А остальное вы уже знаете.

Пусть сейчас и сама Мани, и обе ее дочери были обеспечены всем необходимым от вождей клана, но в любом случае семья, в которой имеется персональный добытчик – это совсем другое дело. И если сперва она не поняла своего счастья и попробовала бунтовать, то теперь, ночуя в тепле и под крышей, каждый день три раза досыта питаясь, она поняла что новая жизнь куда как лучше прежней, и лучше бы ей тогда было не бунтовать, а послушаться ту чужеземную девушку, потому что тогда все было бы гораздо проще. Теперь, когда ей предлагался шанс войти в семью шамана, она уже ни за что не повторит подобных глупостей... уж сколько она упрашивала и умоляла эту Фэру дать ей свои рекомендации – и тогда она будет самой послушной, самой тихой, самой любвеобильной и самой заботливой женой в мире.

Интереснее всего положение было у Сергея Петровича. То, что девки хороши, спору нет, к тому же что Ваулэ-Валя, что Мани имели неплохие фигуры, которое не смогло испортить многократное материнство, и обладали довольно приятными лицами, несмотря на некоторые национальные особенности. Но, черт возьми, у него уже есть четыре жены, так что и пятая, и шестая выглядят в этой конструкции как-то излишне. Это сейчас эти девки тихие, но кто знает, что начнется после брачной церемонии? Когда все шестеро жен вдруг начнут схватку за статус главной жены шамана Петровича – мало не покажется никому, в первую очередь самому шаману Петровичу.

Вот так в раздумьях Петрович и провел эту ночь. Ни о каком сексе не могло быть и речи, его сморил сон, а проснувшись, он обнаружил, что обнимает Мани, а со спины к нему прижимается Вауле-Валя, а его законные жены сидят у очага, охраняя их сон. Правда, при этом они не забывали топить печь по обжигу известняка, так что Сергей Петрович простил им это прегрешение, пообещав, что при первой же возможности примет в семью их кандидатуры.

* * *

7 сентября 1-го года Миссии. Четверг. Пристань Дома на Холме

Погода с утра выдалась сухая, прозрачная и тихая, при бледно-голубом небе и высоких перистых облаках, лист на деревьях, как-то в одну ночь пожелтел, покраснел, побурел и первые пробные листочки уже закружились, вращаясь в воздухе. При этом даже в полдень температура воздуха не поднялась выше шестнадцати градусов и было ясно, что с летом теперь по настоящему все. Пришла короткая осенняя пора, очей очарованье, которая вскоре выльется в нечто мокрое, холодное и до предела мерзкое, после чего придет ужасная для неподготовленных людей лютая зима ледникового периода.

По семейному расспрашивая Фэру и Илин, Сергей Петрович узнавал о местном климате все больше и больше. Зима тут, в долине Гаронны, была не сколько суровая, с арктическими морозами, сколько многоснежная, с сугробами в которых наверное увяз бы и мамонт. Поэтому на зиму все живое, и люди в том числе предпочитали откочевывать на север, на границу леса и тундростепи, поближе к путям миграции бизонов, северных оленей, мамонтов и сбивающихся

в огромные табуны диких лошадей. Одни лишь лоси с их огромными копытами-снегоступами становятся на зиму королями этих лесов. Именно поэтому, а не только из-за отсутствия подходящих пещер, в долине Гаронны и не отмечены постоянные людские поселения каменного века. А шалаши-вигвамы и типи, в которых местные живут летом или осенью вещь настолько эфемерная, что полностью исчезнет всего за несколько лет.

Кстати, на сегодня Марина Витальевна запланировала еще одну операцию. Еще несколько дней назад на юг потянулись первые косяки перелетной птицы: уток, гусей, лебедей, объявивших эвакуацию в связи с приближающейся зимой и поэтому было необходимо срочно, и никак иначе, подрезать крылья Вероникиным гусятам. Да какие они там гусята, здоровенные и злые как собаки серые гусаки и гусыни, всю гонявшие по территории лагеря хулиганистых заринных почти двухмесячных щенков, которые с того момента как встали на лапы умудрились без мыла пролазить в любую дырку, чем составили гусятам, то есть уже почти взрослым гусям, серьезную конкуренцию в плане выпрашивания вкусных кусочков на кухне и самозабвенного копания в помойке.

А резать крылья серым разбойникам надо, пусть они немеют недостаточно полетной тренировки и откормлены несколько больше чем это положено настоящим диким гусям и в силу того держатся в воздухе примерно как запущенный могучей рукой Гуга топор типа колун. То есть сперва немного вверх, а потом когда иссякнут скорость и силы, короткое и тяжелое планирование до самой встречи с землей. Но даже это не помешает Вероникиным гусятам попытаться улететь на юг, хотя скорее всего ни до каких мест зимовки в Африке они не долетят и разобьются еще при попытке перелететь через Пиренеи.

Поэтому, несмотря на слезы Вероники и отчаянное шипение подвергшихся экзекуции серых разбойников, все они были скручены (Антон Игоревич показал как заворачивать птице крылья, чтобы та стала совершенно беспомощной), а маховые перья на их крыльях обстрижены, что называется под ноль. После этой операции еще полдня гуси дулись на Марину Витальевну и высказывали в ее сторону шипящие матерные конструкции на своем гусином языке. Но уже к обеду, учуяв вкусненькое, потерпевшие от произвола сменили гнев на милость и снова стали подлизываться к хозяйке котла на предмет чем-нибудь таким угоститься.

На стройке, тем временем, дела продвигались своим чередом. Именно в этот день была до конца закончена обшивка планкой внутренних стен бани, а в общежитии полностью выложен канн, поверх которого теперь надо было класть деревянную обрешетку и ставить каркасные перегородки с трех ярусными лежанками. Но это будет уже в понедельник, потому что на пятницу и субботу в клане Огня была назначена картофельная страда и одновременно праздник урожая. А в хозяйстве Антона Игоревича, в то же время нужно было выгружать из обжигательной печи готовую негашеную известь. И складывать ее в кучу, укутывая пленкой. Да-с! Именно так. Кипелка еще не до конца готова, как и ванна для замешивания готового известкового теста с песком. Да и тратить раствор пока некуда, кирпич на фундамент в достаточном количестве появится только несколько дней спустя, да и подвал под будущим домом, как ни стараются Андрей Викторович и Серега еще пока не до конца выдолблен. Так что полежит известь, благо она-то есть не просит. А еще лучше, пусть она полежит прямо в печи, хорошенько при этом остынет, а забрать ее оттуда можно будет тогда, когда до этого дойдут руки.

* * *

8 сентября 1-го года Миссии. Пятница. Пристань Дома на Холме

Все ночь, ну или почти всю, Сергей Петрович ломал голову над тем, каким обрядом ознаменовать праздник урожая. Дело это для местных абсолютно новое, раньше они лопали, только то, что нашли и поймали, короче отобрали у природы, а производящая экономика в производстве продуктов питания, то есть сельское хозяйство, было за пределами их понима-

ния. Поэтому обряд праздника урожая, должен быть ярким, красочным и запоминающимся и символизировать собой победу труда над капиталом, ой, то есть косной и мертвой природой, от которой человек не должен ждать никаких милостей, а должен брать их у нее сам.

Обычно, на том этапе когда человечество переходило от собирательства к земледелию, главную роль в таких праздниках играли две вещи: во-первых – эротическое начало, подчеркивающее роль секса в плодородии в широком смысле этого слова (а еще говорят, что древние не понимали откуда берутся дети, все они прекрасно понимали) и во-вторых – человеческие жертвоприношения, обычно детские, которые позже были заменены принесением в жертву невинных животных вроде ягнят или козлят, которые должны были показать, что все имеет свою цену и лучше откупиться от злого рока маленьким и оттого бесполезным ребенком, который все равно помрет зимой от холода и голода, чем терпеть беды всем кланом или племенем.

На это Сергей Петрович мог бы ответить, что попадись ему лично в руки такой злой рок, то он намотал бы его бороду себе на кулак и со всей пролетарской яростью учителя труда бил бы его лбом об верстак, или об опорный столб, пока не устанет рука. А когда она устанет, то позвать сюда Андрея Викторовича и Антона Игоревича, для того, чтобы они продолжили с негодеем свою экзекуцию. Нет, тут без шансов. Никаких жертв, ни животных, ни тем более человеческих, на этом празднике плодородия не будет. Пусть разные там духи и не надеются. Шаман Петрович прислан сюда отбирать у них невинные жертвы, а не приносить их по новой.

Можно было бы, конечно, зарезать самого наглого из Вероникиных гусаков и окропить празднующих его кровью, но во-первых это принесет ребенку горе, а во-вторых закрепит такое положение вещей, что когда-нибудь лет через пятьдесят-сто, вместо правильной агрономии, севооборота и внесения органических удобрений, какой-нибудь умник-шаман, его же потомок, предложит принести духу Матери Земли побольше жертв, в том числе и человеческих, и вот тогда она, в смысле Мать Земля, смилостивится и одарит племя невиданным урожаем. Нет, с самого начала все должно быть сделано правильно, без всяких жертв.

Очевидно, что все же сексуального подтекста праздника не избежать. В смысле объявить о приеме в семьи еще по две готовых для этого женщины, по одной Лани и одной полуафриканке. Его семья таковых присмотрела, и другие как было известно Сергею Петровичу тоже. Даже Марина Витальевна уговаривала Антона Игоревича встрепенуться и взять в дом еще хотя бы одну жену. И по хозяйству будет легче и девочки из положения ничейных и неприкаянных, попадая в семьи сразу расцветают и распускаются как почуявшие тепло бутоны.

Но с этим есть одна проблема – шалаши-вигвамы далеко не резиновые и добавить в семьи еще по два человека просто не получится, а с учетом наличия детей и тем более. Расширить семейный состав Сергей Петрович планировал во время сдачи в эксплуатацию семейного общежития, а до этого еще как минимум неделя. Или быть может, сейчас, под праздник урожая, объявить о всеобщей амнистии, то есть прощении для всех исправившихся наказанных, все равно режим их содержания смягчен до того, что его считай что и нет. А брачную церемонию пообещать провести через неделю, одновременно со сдачей в эксплуатацию семейного общежития.

Так Сергей Петрович и сделал, когда сразу после завтрака собрал клан и прочел короткую проповедь о том, что сегодня у них праздник урожая. То, что было посажено два с половиной месяца назад, теперь требуется собрать и заложить в закрома, чтобы холодной и голодной зимой клану было что есть. Такую политику местные понимали и всемерно одобряли, а потому разразились бурными приветственными криками. Но Сергей Петрович еще не закончил. Немного подождав, пока утихнет шум, он напомнил собравшимся, что в их среде есть женщины, которые были наказаны и поражены в правах членов клана, одни за неправильный в прошлом образ жизни и людоедство, а другие за неповиновение и неблагодарность в сторону своих благодетелей. Так вот, поскольку и те и другие ударным трудом и добрым отношением к своим товарищам, доказали то, что они все осознали, исправили свое отношение к жизни и

искупили содеянное, то им возвращаются полные права членов клана, а с их женских потаенок шаман Петрович снимает свое табу и не далее как через неделю в семье будут приняты последние женщины бывшего клана Лани, которые не носят сейчас ребенка и еще пять полуафриканок из тех, что будут признаны для этого достаточно взрослыми. Кроме того уже завтра, когда заработает баня, все они будут посвящены в действительные члены клана Огня при помощи горячей воды, пара и большого количества мыльной пены. А сейчас он, шаман Петрович просит прощенных женщин по одной подходить прямо к нему, чтобы он мог произвести над ними соответствующий обряд по снятию табу.

Опчество, по преимуществу женское и в значительной своей части полуафриканское, в ответ на это заявление разразилось радостными криками восторга и бросилось качать шамана Петровича. Со стороны казалось, что все эти женщины прямо сейчас, не отходя от кассы, выйдут за него замуж, не стесняясь ни стоящих в сторонке законных жен, ни посторонних мужчин. Но все обошлось, правда, при этом у Алохэ-Анны был такой довольный вид, как будто она лично организовала это мероприятие и уговорила Сергея Петровича всех простить и раздать замуж. Но не думаю, что хоть кто-нибудь обратил на это внимание, слишком много вокруг было радостных эмоций.

Первыми к шаману Петровичу за полным прощением начали подходить женщины бывшего клана Лани. Было их всего пять человек и то трое из них находились в состоянии беременности на разных сроках, от пяти до семи с половиной месяцев, а двое были свежесговоренными невестами самого Сергея Петровича и Андрея Викторовича. Сергей Петрович при этом приближал к себе женщину, откидывал назад капюшон ее парки и проводил рукой по волосам, будто снимая все плохое, запечатлевал на челе отеческий поцелуй, символизирующий прощение. Потом на ее место становилась следующая красавица, и все повторялось сначала. Беременным женщинам шаман Петрович еще проводил рукой по животу, благословляя плод чрева, и будущие мамы потом уверяли, что младенчики в этот момент были в полном восторге. Ну, чего только не покажется беременной женщине.

Пока Сергей Петрович занимался женщинами бывшего клана Лани, среди полуафриканок началось некое нездоровое шевеление. Немного пошущукавшись с Лизой и Лялей, полуафриканки начали вдруг раздеваться догола, снимая не только парки, мокасины и штаны, которые им уже успели пошить, но и топики, а также кожаные мини-трусики, оставаясь полностью обнаженными, как и в тот час, когда Сергей Петрович накладывал на них свое табу. Да, им при этом холодно, но они потерпят, лишь бы прощение их грехов оказалось «всамоделинным». Так об этом шаману Петровичу и заявила довольная Алохэ-Анна, к которой тот обратился с вопросом – А с чего это вдруг тут, милая, происходит такой массовый стриптиз?

Блестящие черные глаза, короткие (два-четыре сантиметра), чуть выющиеся воронные волосы, блестящая кожа цвета кофе со сливками и торчащие вперед возбужденные соски на оттопыренных персях. Даже если и у кого вторичные половые признаки чуть обвисли, то это совсем не портит фигуру женщины, ибо ни у одной из присутствующих здесь полуафриканок нет висящих до пупа «ушей спаниеля»... При этом догола разделись не только женщины и девушки, признанные Мариной Витальевной уже взрослыми, но и совсем юные девочки-подростки, за исключением «жен» Антона-младшего. Ну прямо голый конкурс красоты «Мисс полуафриканка», да и только.

И все это перед глазами других членов клана, которые, впрочем, смотрят на происходящее весьма понимающими глазами и, в общем, одобряют это действо. Если полуафриканки таким образом хотят быть уверенными в том, что их простили «по-настоящему», то значит, так тому и быть. Впрочем, за исключением такой малости как полное обнажение, процесс «прощения» полуафриканок протекал точно так же, как и для женщин бывшего клана Лани, единственно, что проводить ладонью по вздувшейся голой блестящей коже беременных животов

было несколько чрезмерно возбуждающе, и целовать в лоб совершенно обнаженных женщин тоже.

Правда, Сергей Петрович надеялся, что никто не заметит этого возбуждения, но эти надежды были совершенно напрасны. Ляля, Лиза и, самое главное, Марина Витальевна женским глазом очень четко срисовали как общий эротизм ситуации и ее дальнейшие перспективы, а также то возбуждение, которое при этом охватило Сергея Петровича.

– Ну вот, Лиз, тебе и еще один обычай, – сказала Ляля, – чтобы девушки и молодые женщины выходили на страду полностью обнаженными. Боюсь, что где-то через год нам с тобой, как главным женам вождей, придется возглавить это торжественное мероприятие в костюмах Евы.

– Да ты что, Ляль, – схватила за щеки Лиза, – выходить копать картошку голой в такой холод?! Какой ужас!

– Лизка, ты что, глупая?! – спросила как отрезала Ляля, – это в этом году мы задержались с посадкой, а на следующий год ее можно будет делать уже в первой половине мая, тогда и урожай будем собирать в первой половине августа, самое то время, чтобы покрутить голой попкой под еще вполне ярким солнцем.

– Ну, если так, – с облегчением вздохнула Лиза, – тогда я согласная. Фигура у меня вполне ничего, так что посоревнуемся. Надо будет сказать Петровичу, чтобы на каждой уборочной проводились свои отдельные конкурсы «мисс картошка», «мисс пшеница», «мисс лен»...

– Мы с тобой, Лизка, – ответила Ляля, – уже давно никакие не «мисс», а самые настоящие «миссис». Это так, к сведению. А в остальном, разумеется, все верно, дух соревновательности это наше все. При этом оцениваться должны как внешние данные конкурсанток, так и качество и количество их работы при уборке урожая, чтобы не победила какая-нибудь смазливая лентяйка. А мы с тобой девки не только симпатичные, но и работающие – так что, думаю, справимся.

Кстати, о Лизе с Лялей. Эти две этих девушки, не особо дружившие между собой в интернате, здесь в новом мире, нашли друг друга для прочной дружбы и взаимной поддержки.

После праздничных мероприятий последовал развод на работы. На самом деле вожди решили не бросать на картошку сразу все людские ресурсы. Нерационально, да и можно упустить еще что-нибудь действительно важное. Продолжились работы на кирпичном заводе у Антона Игоревича, которому хотелось ухватить на формовке последние сухие дни, долбежка подвала под большим домом у Андрея Викторовича, что никак нельзя отложить, поскольку дом это вопрос неотложный, внутренняя отделка общежития Валерой и полуафриканками из бригады Сергея Петровича и шитье мокасин для полуафриканок Лялиной бригадой швей. Сегодня они должны с этим закончить, а завтра тоже выйти на картошку.

Так что на пятницу получалось, что в уборке картошки практически полностью будет задействована бригада Лизы в семнадцать девочек-кирпичеукладчиц и три полуафриканки из бригады Сергея Петровича. Еще в уборочной страде решили на подхвате использовать рыбацкую артель Антона-младшего, которой было поручено идти по рядам вслед за копальщицами и собирать картошку в ведра, которые потом требовалось отнести к месту погрузки и высыпать в мешки. Картошку в мешках потом надо будет на УАЗе перевести к месту предварительного буртования, там, наверху у будущего Большого Дома, и выгрузить на землю, после чего рассыпать по месту будущего бурта.

Хотя, черт его знает, по нормативам на ручную уборку следовало, что один рабочий при ручной копке за восьмичасовую смену должен собрать четыре с половиной центнера, то имея в наличии на уборке двадцать человек вполне можно уложиться в течение одного рабочего дня. Правда устанут все просто адски и расчет сделан на взрослых мужчин, а в Лизиной бригаде девочки от двенадцати до пятнадцати лет включительно. Поэтому урезаем осетра вдвое, решил Сергей Петрович, и считаем, что одна сборщица выкопает и соберет за смену не более двух с

половиной центнеров, при том, что мешковать картофель будет бригада Антона-младшего, а полуафриканки будут работать на подхвате, таскать мешки и грузить их в УАЗ. Тогда получается, что управиться можно будет за два дня, при этом особо никого не загоняя насмерть.

Немного подумав, Сергей Петрович решил, что работа эта не только тяжелая, но и грязная, а следовательно, поскольку баня в общих чертах уже готова, ее топка просохла, вода и свет подключены, полки и инвентарь изготовлены и даже замочены, то уже сегодня можно и даже нужно производить черновой запуск бани, чтобы там было тепло, была горячая вода и все те кто сейчас как хрюшки извозюкаются при копке картошки смогли бы почистить одежду и вымыться горячей водой в теплых комфортных условиях. В конце концов это баня и суббота для человека, а не наоборот, поэтому если надо, то от жестких правил можно и отойти. Так что, перед тем как идти с Лизой на поле, Сергей Петрович отдал остающимся соответствующие распоряжения и убедился, что его правильно поняли, для того что быть уверенным, что вернувшись с картошки он найдет жарко натопленную баню с ванной полной крутого кипятка.

Копка картошки тоже была не таким уж простым делом, как это может показаться со стороны. И как правильно предвидел Сергей Петрович, она оказалась очень тяжелым и грязным делом. И все кто был занят в этом деле, включая Сергея Петровича, устали как собаки и покрывались коркой глинистой грязи по мере того как неподалеку от въезда на поляну на холме, все увеличивалась и увеличивалась куча свежевыкопанной картошки, выгружали которую по прибытию груженого транспорта работницы Андрея Викторовича, которые ради этого отвлекались от вывоза надробленного известняка. Обед работягам привезли прямо в поле и быстро его прожевав, они снова накинулись на работу. Все же сытная еда немного восполняет силы и после нее возможны дополнительные усилия.

Кстати, Марина Витальевна, которая привезла обед дала Антону Младшему еще одно задание. Ему требовалось выделить пару девочек из своей команды, для того чтобы они обирали с сорванной и отброшенной в сторону ботвы созревшие плоды картошки, похожие на черновато-коричневые миниатюрные помидорчики и не в коем случае их не ели, потому что это есть сильнейший яд. Из этих плодов потом сама Марина Витальевна добудет семена для дальнейшего размножения картофеля. Не исключено, что в самое ближайшее время клан сильно умножится в числе, превратившись в племя, ибо события последнего времени развиваются подобно катящемуся с горы огромному кому снега, на который по пути налипают все новые и новые пласты.

Но все со временем подходит к концу. В данном случае к концу подошел рабочий день, за который картошка была убрана почти наполовину, при этом бурт накрыли пленкой, закидали лапником и присыпали песком – от света. Дальше была баня, без которой Марина Витальевна отказывалась кормить работников и работниц ужином, но Сергей Петрович, как галантный джентльмен, пропустил вперед Лизу с девочками и лишь слушал через дверь все их взвизги и восторженные ахи. Купание в горячей воде для них было настоящим волшебством и достойной компенсацией действительно очень тяжелого труда.

Как только девки закончили плескаться и разругавшиеся ускакали на ужин, пошел мыться уже сам Сергей Петрович, но для него сегодня этот процесс носил только сугубо утилитарный характер – быть бы только чистым, а вот завтра в семейном кругу он постарается оторваться уже вовсю. Ляля, Фэра, Илин, Алохэ-Анна, дети Илин, Мани и Фэры, а также две новенькие кандидатки в жены – вполне достойная компания для маленького семейного торжества в бане. Ах, да! Последним штрихом дня была ночевка Андрея Викторовича с семьей и псом Шамилом не у себя дома, а в сторожке при печи для обжига известняка. И это потому, что до собранной картошки кабаны тоже весьма и весьма охочи.

* * *

9 сентября 1-го года Миссии. Суббота. Пристань Дома на Холме

Спал эту ночь наработавшийся на картошке Сергей Петрович, что называется как кролик без задних ног. Короче – так что и из пушки не разбудишь. Встав утром, он обнаружил, что все тело затекло и болит, хоть лежи и вообще не шевелись. Но надо было вставать и идти заниматься делами: делать вместе с Андреем Викторовичем зарядку, завтракать, снова, пусть даже и через силу, идти на уборку картофеля, потому что иначе просто никак. Если не делать этого сейчас, то придет зима, которая уже не за горами, осталось до нее месяца полтора и тогда все умрут.

Впрочем аналогично Сергею Петровичу себя чувствовали все, кто принимал участие в картофельной страде и дело тут не в изнеженности и лени Лизиных девочек. Натренированы и откормлены за два месяца они были будь здоров, и выносливость у них тоже была на высоте. Но дело в том, что в процессе уборки картошки в основном принимают участие совсем не те группы мышц, что при кладке кирпича или столярных работах.

Но, наверное, русские слова страда и страдать, не просто однокоренные, а еще и синонимы, поэтому под клич – «надо, Федя, надо» – Андрей Викторович и присоединившийся к нему Сергей Петрович, выгнали полуголых девок из уютной казармы на холодок в серое и сырое утро, после чего погнали их на пробежку, зарядку и прочие водные процедуры, новым местом для которых стал кран на улице возле бани. Даже родную юную жену Лизу не пожалел железный физрук, несмотря на то что она всю ночь стонала и плакала во сне от боли в мышцах. Типа крепче будет, самое главное что питается она хорошо и спит дома в тепле в надежных мужских объятьях.

Но ничего, уже в середине пробежки по маршруту до большого дома (где вчерашние сборщицы картофеля смогли полюбоваться на дело своих рук, сложенное аккуратной кучей) и обратно, потом до керамического завода и уже в конце, через береговой лагерь обратно к казарме, мышцы у девок размялись и разогрелись, а сами они повеселели, потому что впереди была перспектива сытного завтрака из рук Марины Витальевны, а к привыкшим к полуголодному существованию бывшим Ланям и полуафриканкам большего и не требовалось, к тяжелому же труду им было не привыкать.

После завтрака все разошлись по своим рабочим местам, при этом на уборку картофеля впридачу ко вчерашним бригадам Лизы и Антона-младшего вышли еще и девочки-швеи из Лялиной бригады, закончившие обшивать темнокожий контингент. Работать сразу стало легче, работать стало быстрее и веселее. Правда две из девочек Ляли – бывшая Лань Акса и совсем молоденькая полуафриканка Футире-Фрида были беременны и не могли выполнять работу с полной отдачей, но и им нашли тоже дело – помогать Антошиным девочкам отбраковывать резаную и поврежденную картошку, а также отбирать на семена зрелые плоды картофеля.

И снова Марина Витальевна и Сергей Петрович читали девочкам длинную лекцию о том, что картофель это такое растение у которого съедобны только клубни, а все остальное – цветы, плоды, стебли и листья содержат сильнейший яд из-за которого отравить посадки могут только землероющие кабаны, а те же олени ботвой картофеля скорее отравятся, чем чему-то там повредят. Поэтому есть эти плоды ни в коем случае нельзя и нужны они только из-за семян из которых потом вырастет новая картошка. Ну хоть, слава всем Духам, хорошо что народ в каменном веке приучен верить вождям и шаманам буквально на абсолютно-беспрекословном уровне. Сказал шаман Петрович, что это есть нельзя – значит нельзя и точка.

С дополнительной рабочей силой управиться с остатком делянки удалось вскоре после обеда. Правда еще некоторое время ушло на то, чтобы переместившись пешком к будущему Большому Дому, помочь там бригаде Андрея Викторовича с окончательной укладкой бурта,

обкладыванием сосновым лапником, укутыванием пленкой и обсыпкой песком, который должен был предотвратить влияние на бурт резких перепадов температуры и влажности. И только потом, когда дело уже было полностью сделано, и усталые, но возбужденные девки Ланей и полуфриканок большой гомонящей толпой направились к своей казарме.

Это было невиданное чудо, еще ни один клан не мог похвастаться такими большими запасами на зиму, и ведь это без учета немалого количества запасенной вяленой рыбы, наловленной бригадой Антона-младшего, а также сушеных грибов, ягод и прочих даров леса, которые как это и положено в дикой местности с началом осени буквально повысыпали из-под всех кустов. А ведь впереди еще ход лосося и обещанная Андреем Викторовичем с началом заморозков облавная охота на кабанов и возможно оленей. Что еще нужно юной первобытной женщине для счастья, когда у нее есть теплая уютная пещера без сквозняков, битком набитая кладовая, по настоящему умная Мудрая женщина и надежные подруги на которых можно опереться в трудную минуту?

Конечно же в таком случае юной первобытной женщине был нужен мужчина, который был бы рядом, обнял бы ее, поцеловал, распластал обнаженную на шкуре и в сладкой муке соития сделал бы ей ребенка. Всем девочкам в Лизиней и Лялиной бригаде (за исключением Дары и Мары у которых это и так уже было) хотелось бы для себя именно такой судьбы и хотелось бы, чтобы рядом был не мальчик-ровесник, еще не знающий и не понимающей жизни, а надежный и солидный мужчина, вождь и учитель, который научит, покажет утешит и защитит.

Тем более что в клане Огня неоперившихся юношей считай что и вообще не было. Гуг, Сергей-младший и Валера в понимании этих девиц были уже солидными семейными мужчинами с определенным положением в обществе и сложившимся авторитетом. Ну и что, что они так молоды, зато многого успели добиться, причем почти исключительно собственными силами и талантами. Но все наивысшие котировки в этом плане были у двух вождей: Сергея Петровича и Андрея Викторовича. Антона Игоревича девки считали мудрым и добрым старейшиной, любили как родного дедушку, но все же отводили ему место в стороне от пылающего ярким пламенем брачного костра. Немолод все-таки человек, не каждый старейшина в местных кланах способен дожить до такого возраста и сохранить ясный ум и твердую память. Ему и Марины Витальевны с красавицей Нитой хватит по самые уши, тем более что последняя после рождения Игорька расцвела и похорошела, ну хоть пиши с нее икону Девы Марии собственной персоной.

Но все же вожди помоложе были вне конкуренции как возможные женихи и одновременно недоступны, по той причине, что уже показали, что будут брать в жены только вдовых «старушек» от восемнадцати лет и старше. А это несправедливо. Молодые тоже по старой привычке торопились жить, чувствовать, любить и ощущать себя любимой, потому что смерть все время стоит рядом с ними и в любую минуту может забрать их молодые жизни, вместе со всеми маленькими радостями. Еще их возбудило зрелище прощения полуафриканок, когда те оптом предложили шаману Петровичу взять их всех в жены, а тот, сам того не ведая, выдал им предварительное согласие.

Поэтому среди молодых оторв, находившихся в том промежуточном возрасте, когда они уже не девочки, но еще и не девушки, уже давно начал зреть заговор. Им казалось, что если они придут и сами себя предъявят Петровичу и его женам во всей своей юной красе и силе, то, конечно же, им не будет отказа. А то уже и грудь начала наливаться двумя отчетливыми выпуклыми буграми, и волос на лобке закурчавился, а любви все как не было, так и нет. А природа-то торопит и требует свое. Имена этих чересчур активных девиц из племени Ланей: Сэти, Липа, Кара, Мика и Мату. Свой демарш, они назначили именно на сегодня, на тот момент когда Сергей Петрович пойдет в баню со своими женами. О назначении этого заведения девочки примерно знали, а чего не знали, о том догадывались.

Но об этом позже, потому что тем временем среди вождей разгорелся еще один спор и касался он условной семьи Антона-младшего. Если считать их настоящей семьей, то их надо пускать в баню на общих правах и чуть ли не в первых рядах, потому что рыболовецкая артель Антоши – коллектив заслуженный и уважаемый, вносящий на прокорм очень значительную долю всего продовольствия. И все это никак не зависит от того, по сколько лет исполнилось ее членам. С другой стороны, все же этому мальчику и восьми его девочкам-женам еще очень далеко до совершеннолетия, даже по местным обычаям, весьма либеральным в этом смысле. И признавать их хотя бы настоящими женихом и невестами будет неправильно хотя бы в этом смысле. Тогда и другие дети захотят того же, а это уже будет полный разврат.

На первой позиции изначально стоял шаман Петрович, на второй Марина Витальевна, в первую очередь заботившаяся, чтобы в клане Огня не было слишком ранних беременностей. Черт с ними, с добрачными и внебрачными, клан будет кормить всех детей, и дурного слова не скажет их матерям. Но ранних беременностей, которые заставляют девочек преждевременно стариться и загоняют их в могилы раньше срока, среди девиц, являющихся членами клана быть не должно. В семье Антона-младшего Витальевна видела именно эту угрозу здоровью его жен-девочек и сражалась с ее существованием как могла.

Правда, если пойти по такому пути, то надо будет признать, что все клятвы и обещания, данные в свое время шаману Петровичу, были даны понарошку и не имеют никакой юридической и сакральной силы. И вообще, в нашем прошлом империи рушились по куда меньшему поводу, когда власть давала понять, что ее обещаниям совершенно нельзя доверять и она с легкостью дает слово и тут же с той же легкостью забирает его обратно. Именно поэтому и с учетом заслуг Антона-младшего ему было дано право самостоятельно сходить в баню со своими женами-невестами под его честное слово, что они ограничатся только совместной помывкой и ничем более, по тем причинам, которые ему уже были изложены ранее. В любом случае, если что-то случится, то вода в попе у девок не удержится, и все и во всех подробностях в самое ближайшее время будет известно всем их подружкам, а значит и, соответственно, Ляле, Лизе, Сергею Петровичу и Андрею Викторовичу.

– Да, Сергей Петрович, – горестно вздохнув, ответил Антон-младший, – я все понимаю и постараюсь, но...

– Но, – сказал Сергей Петрович, – ты «этого» не хочешь, но зато хотят твои невесты, и ты боишься, что не сможешь их от этого удержать?

– Примерно так, Сергей Петрович, – пожав плечами, ответил Антон-младший, – я понимаю, что нам еще рано этим заниматься, но разве ж девчонкам это объяснишь? Особенно эти черненькие, все пристают – покажи, да покажи. Хотя мне с ними со всеми очень хорошо... Вот.

– Ну если тебе с ними хорошо, – оглянувшись по сторонам сказал Сергей Петрович, – и ты с ними не ссоришься, то это значит, что мы тогда все сделали правильно. Ведь мир в семье – это залог ее крепости. Но в любом случае ты должен помнить, что вся ответственность за последствия лежит именно на тебе, как на мужчине. Понимаешь?

– Понимаю... – вздохнул Антон-младший, – и надеюсь, что все обойдется. Я им уже несколько раз говорил о том, что нам еще рано этим заниматься, но все равно они ничего не понимают и все время говорят только о своем.

– А ты говори только о своем, – сказал Сергей Петрович, – а еще лучше постарайся, чтобы они занялись друг другом. Ведь их восемь, а ты один и все равно тебя на всех не хватит. И вообще, такие забавы – это все же лучше, чем мыться с мальчиками, очень многие после этого пошли по кривой дорожке. Ну ладно, Антоша, ступай и помни, что мужчина – это звучит гордо.

В общем, этот разговор состоялся еще утром, а тем временем банный день в клане Огня (вот еще одно новое явление) продолжался своим чередом. Первыми, почти сразу после обеда, это священное место посетили Антон Игоревич, Марина Витальевна и Нита. Впрочем, старейшина клана довольно скоро начал говорить, что такой пар вреден его старым костям, оделся

и куда-то ушел. Впрочем полчаса спустя, когда Марина Витальевна и Нита (которой эта жаркая забава вождей чрезвычайно понравилась) хорошенько еще раз распарились, отхлестав себя вениками по самое не могу, Антон Игоревич вернулся, гоня перед собой трех женщин бывшего клана Лани и четырех полуафриканок своей кирпичной бригады – всех тех, что еще не были замужем и пока даже не заневестились.

– Вот, – сказал он Марине Витальевне, – принимай, жена, пополнение. Отпарить и помыть по полной программе, чтоб все скрипело и трещало по швам.

Вот так Марина Витальевна записалась в банные инструкторы, показав женщинам, как правильно и со вкусом предаваться настоящей забаве вождей. Тем в основном понравилось. Жительницы холодных по нынешним меркам краев, они смогли по достоинству оценить весь тот жар и пар, который дает настоящая, пусть и самодельная, русская баня, особенно если плеснуть на раскаленную каменку ковшик воды. А березовые и дубовые веники, а лыковое мочало и пенистое, пусть и жидкое мыло? Ух ты! Человек по сути своей существо чистоплотное, и исключения, вроде монголов, тут только подтверждают правило.

После семьи и сотрудниц Антона Игоревича в баню по очереди пошли все те женщины, что не имели еще своих семей и в то же время не были заняты на картошке. Потом их место занял боевой отряд Антона-младшего, которого ради такого дела пораньше отпустили с буртовки. Вроде там все обошлось без эксцессов, но девки вышли из бани чрезвычайно довольные, чувствовалось, что им понравился как банный процесс, так и то, что они наконец рассмотрели у своего будущего господина и повелителя.

Потом одна за другой через баню быстро проскочили «молодые» семьи Сергея-младшего, Валеры и Гуга, причем последнему на пальцах пришлось довольно долго объяснять, что можно, а чего нельзя делать, пойдя в баню. Но в результате процесс понравился всем. И самому Гугу, который обнаружил в себе талант париться до потери пульса, и его молодым женам, несмотря на то, что тем несколько раз пришлось с пискom выбегать в предбанник, спасаясь от чересчур уж горячего пара. Впрочем, и все остальное им тоже понравилось. Вышли они из бани все шестеро в обнимку: сам Гуг, три его жены и две невесты, распаренные и умиротворенные и сразу было видно, что через девять месяцев в этой семье появится как минимум одно пополнение, начало которому было положено во время этого похода в баню.

После молодых настала очередь вождей, и хоть было уже достаточно поздно, но решили сделать так – сперва Лиза заходит в баню и наскоро показывает совсем молодым незамужним девкам своей и лялиной бригады, как надо правильно мыться. Это потому, что картошка дело грязное, а девки свое все же заслужили ударным трудом. Потом девки уходят спать, и на их место к уже готовой Лизе приходит Андрей Викторович с семейством и парится до потери пульса. И только потом, уже поздно, часов девять или полдесятого в баню идет Сергей Петрович со всеми своими, но зато их оттуда уже никто не будет гнать – сиди хоть до полуночи.

Вот так оно и вышло, но с небольшими поправками, внесенными пятью молодыми авантюристками. Сергей Петрович, усталый, грязный, но в общем довольный собой, (потому что сегодня были завершены сразу два этапных дела – баня и картошка), зашел не спеша в предбанник, разделся, подкинул в топку сухих горбылей, да так, что пламя яростно загудело, нагоняя пар до нормы, потом дождался, пока полностью разденутся его две невесты, жены, и дочери Фэры, а потом они все вместе прошли в парилку. Пока Илин с помощью Ляли готовила в шайке побольше тепленькую воду для купания своей годовалой дочки Мули, Фэра, с помощью Сергея Петровича, Алохэ-Анны и крепких слов, мочалкой, мылом и горячей водой намывала своих семилетних дочерей Сипу и Коту. Девочки визжали, вертелись и протестовали как могли, но мать была неумолима. Пусть мыло отчаянно щиплет глаза, но голову, как и все остальные места, надо мыть тщательно-тщательно – и никаких гвоздей.

Тем временем Мани и Ваулэ-Валя, присутствующие на этом празднике жизни на правах гостей, сели на лавку поближе к двери и смотрели на то, как шаман Петрович в бане руководит

своим голым женским коллективом. Но долго ли, коротко ли, Мули была искупана, вытерта и завернута в меховые пеленки, Сипа и Кота надраены до блеска, одеты и вместе с Мули отправлены домой с распоряжением подкинуть дров в очаг кана и, не дожидаясь взрослых, ложиться спать, после чего эти самые взрослые остались наедине с баней и друг другом.

– Ну, моя дорогая, – сказал шаман Петрович, обращаясь к Алохэ-Анне, как только в предбаннике хлопнула тяжелая дверь, – помнишь, как я тебе обещал, что буду мучить тебя в этой бани при помощи пара, горячей воды и березовых веников?

– Я помнить, о великий шаман, – ответила Алохэ-Анна, потянувшись как большая кошка, – и я снова повторить, что ты очень приятно меня мучить и я всегда этому рад. Я готов, говори что надо делать?

– Да, – с улыбкой добавила Фэра, – ты наш муж и начальник и мы хотим чтобы ты наказать нас тоже. Мы ждать твой приказ, шаман Петрович.

– И мы тоже, – сказала Илин, хрупкая как тростиночка, – просит наказать я, плохо себя вести. Пожалуйста.

– Так-с, Лялечка, – сказал шаман Петрович, посмотрев на свою самую первую и самую главную жену, – кажется у нас имеет место бунт на корабле. Ну что – накажем негодяек?

– Накажем, мой добрый господин, – кивнула Ляля, взяв в руки мочалку и пластиковую бутылку из-под масла, в которую было налито мыло, – Но только сперва их всех нужно хорошенько вымыть, особенно вон ту, которая перемазалась с ног до головы.

– Да, моя добрая госпожа, – ответил Сергей Петрович, вооружившись тем же самым что и Ляля, – вы как всегда правы, Мыть, мыть и еще раз мыть, именно для этого мы сюда и пришли. А ну, грязнуля Анна, немедленно ложись на средний полоч и мы с Лялей будем отдраивать тебя до скрипа, до блеска.

– Моя ложиться! – сверкнула белыми зубами Алохе-Анна и вытянулась на полке, высоко оттопырив высокую шоколадную попку.

– И так, – сказал Сергей Петрович, – цели определены, средства в наличии – за работу товарищи. И вы, две лентяйки, берите мочалки и тоже подключайтесь к работе, взаимопомощь наше все.

Не прошло и пяти минут, как смуглая пантера, крепко зажмурившая глаза, оказалась скрыта под плотным белым сугробом пахнущей сосновой хвоей крепкой мыльной пены, взбитой сразу четырьмя мочалками. Потом, когда Алохе-Анна перевернулась на спину, чтобы подставить под мытье вторую половину своего тела, то Ляля, Фэра и Илин, продолжили надраивать ее своими мочалками, а Сергей Петрович отошел в сторону и в большой шайке стал готовить воду для покатушек, смешивая побулькивающий кипяток из ванны с холодной водой из-под крана. По замыслу, вода должна была быть такой горячей, чтобы едва терпела рука. Впрочем, совсем рядом стояла вторая шайка, в которой была набрана чистая вода прямо из скважины имевшая среднегодовую для данной местности температуру в пять с половиной градусов Цельсия.

И вот, Алохэ-Анну поднимают с полка, ставят вертикально, говорят вытянуть руки по швам и Сергей Петрович, с натугой поднимает нее шайку с горячей водой вверх и без предупреждения (глаза-то от мыла зажмурены) выливает на голову Алохэ-Анны. Отчаянный вопль, больше от неожиданности, чем от боли, поскольку вода не настолько горячая, чтобы обжигать. Не успевает женщина перевести дух, как на нее обрушивается теперь уже поток ледяной воды и снова отчаянный крик и тишина.

– Ну вот и готово, – сказал Петрович, оглядывая дело своих рук, – вроде стало посветлее. Аннушка-то у нас, оказывается, настоящая королева.

– Не королева, – прищурившись ответила Ляля, – а великолепная богиня. Уитни Хьюстон нервно курит в сторонке.

– Уитни Хьюстон, – ответил шаман Петрович, – по сравнению с Аннушкой просто старушка, ей уже было под пятьдесят, а она все хорохорилась. Нет, моя жена куда лучше.

– А я и говорю, – сказала Ляля, – что лучше.

– Да, шаман Петрович, хорошо. – сказала Алохэ-Анна, разведя руки в стороны, – Я два раза умирать и все равно живой, а теперь моя как птица – летать и летать. Даже очень хорошо.

– Ну вот и хорошо, Аннушка, – сказал Сергей Петрович, – но только ты не расслабляйся, это было еще не наказание, а подготовка.

– Я готов наказание, – сказала Алохэ-Анна, – Что делать дальше?

– А дальше, – сказал Сергей Петрович, – мы будем готовить к наказанию Фэру и ты Аннушка будешь нам помогать. А ну ложись, негодница, и только посмей мне пошевелиться.

Впрочем процесс мытья Фэры описывать абсолютно бессмысленно, поскольку отличался он от помывки Алохэ-Анны только тем, что богиня из под сопровождавшихся двойным криком покатушек вышла не шоколадная, а белая с розоватым оттенком на тех местах где бедра и грудь были прикрыты топином и юбочкой, и чуть загорелым во всех остальных. Кроме того, вместо короткой мальчишеской стрижки как у Алохэ-Анны, волосы Фэры заплетались в косу, сзади достигавшую колена и эту роскошь потребовалось отдельно мыть и вычесывать. После Фэры, точно той же процедуре мытья и окатывания подверглись сперва Илин, потом Ляля и лишь затем шаман Петрович. Единственно чем отличалась его церемония от церемоний его жен – при окатывании ему пришлось сидеть, так как он был слишком высок ростом для своих жен, а шайку с водой над его головой вдвоем поднимали Алохэ-Анна и Фэра.

Откинув назад мокрые волосы, Сергей Петрович посмотрел на своих так называемых невест, забившихся в сторонку и с некоторым испугом, наблюдавших за происходящим. Женщин сначала трут с мылом, как какую-то тряпку при стирке, потом обливают водой, отчего они два раза кричат, как будто их убивают, но вместо этого все равно остаются живыми-здоровыми и даже благодарят. Непонятно!

– Ну, что женщины, – спросил великий шаман, – вы согласны выходить за меня замуж или нет? Если согласны, тогда мы тоже вас будем мучить, а если нет, то уходите и больше не возвращайтесь.

– Лучше мучить, – обреченно вздохнула Мани, а Ваулэ-Валя только скромно кивнула головой, давая шаману Петровичу свое согласие.

Впрочем, пока их мучить никто не собирался, просто их тоже вымыли с ног до головы, как и всех прочих, после чего в бане мытье, как таковое закончилось и начались развлечения. Ляля принесла из предбанника несколько березовых и дубовых веников, бросила их в шайку и ковшом набрала в последнюю кипяток из ванны. Пока Ляля возилась с вениками Сергей Петрович набрал полный ковш воды и сделав полшага в сторону, чтобы не попасть под выхлоп, плеснул эту воду на раскаленную каменку. У женщин разом перехватило дыхание, их будто ударили горячим кулаком в грудь и живот. Не успели жены и невесты Петровича перевести дух, как тот взял в руки веник, вручил второй Ляле, после чего, посмотрев на Алохэ-Анну, приказал ей лечь на средний полоч опять попой вверх... И значит, у них с Лялей, понеслась работа вениками в четыре руки. И если в начале Алохэ-Анна с непривычки вскрикивала от боли, то чуть погодя, когда ее разобрало, эти крики боли сменились темпераментными стонами наслаждения.

Потом, место Алохэ-Анны заняла Фэра, после нее Илин, а вот когда увлекшиеся банными процедурами домашние Сергея Петровича собрались полосовать вениками Лялю, которой на третьем месяце еще пока можно было все, в этот момент в предбаннике раздался шорох и шушуканье, потом дверь туда приоткрылась и на пороге появились пятеро полностью обнаженных юных хулиганок, как раз задумавших предложить себя Сергею Петровичу. И смех и грех. Картина маслом – пролетела птица Обломинго.

Не успел Сергей Петрович раскрыть рот и грозно спросить, – «Чего вам тут надобно, девки?» – как вдруг, все пятеро разом взмолились нечеловеческими голосами, перебивая друг друга, – Ну возьмите, меня замуж, шаман Петрович, я вам очень сильно пригожусь. Я красивая, молодая и сильная, буду любить вас горячо и страстно. Ну возьмите меня, пожалуйста!

Сказать что шаман Петрович обалдел это ничего не сказать. Собирался, понимаешь, заняться любовью со своими женами, вымыл их для этого, отпарил паром, обработал веником и только-только приготовился употреблять с ними сладкое, как тут вламывается группа несовершеннолетних сцыкушек, лет по четырнадцать-пятнадцать от роду и требует к себе такого же непосредственного внимания.

– Значит так, девушки, – немного рассерженно сказал Сергей Петрович, хотя в душе эта ситуация его потешала, – Вы же знаете, что в нашем клане прежде чем женщина предложит себя в жены мужчине и наоборот, на это должно быть дано разрешение Мудрой женщины и одобрение женсовета. Есть у вас такое разрешение и такое одобрение? Я вижу, что нет. Тогда идите и без разрешения ко мне больше не приходите. И запомните мои слова – тот кто рвет с яблони незрелые яблоки для того чтобы их съесть, тот дурак, потому что от них обязательно будет болеть живот. А тот кто рвет их ради забавы, не собираясь съесть, тот просто подлец, потому что позднее мешает людям насладиться вкусом и ароматом спелых яблок. На этом все, девочки – до свиданья!

– Но, Петрович, – проныла Сэти, как самая главная заводила, – мы все тебя любить и хотеть за тебя замуж, честно, честно. Ты такой красивый, сильный, умный и добрый. А за других мужчин мы замуж не хотеть. Тот молодой, который Серега, хотеть меня щупать, но я стукнуть ему в глаз и сказать что буду жаловаться его начальник главный охотник Андрей Викторович. Тогда он уходить и больше не возвращаться. Ну, пожалуйста, ты взять нас своя женщина! Вот как Ляля, как Фэра, как Алохэ-Анна, как Илин. Мы красивый. Мы сильный. Мы умный. Мы ласковый. Мы тебе все делать.

Вот и смех и грех, пристали как банный лист, что не отдерешь. Петрович окинул свое обнаженное тело придирчивым взглядом. Не Аполлон, конечно, но накопленный в плавании жирок за два с половиной месяца совершенно ушел, оставив подтянутый живот, довольно широкие плечи, и сильные руки без которых не поработаешь с инструментом. Ноги правда подкачали, но ему на большие расстояния ходить и не надо, не кривые, не тонкие как палочки, и то ладно. Правда немного волосатые, но это приемлемо, по крайней мере женам нравится, вон трутся возле него все четверо как кошки.

Потом Петрович посмотрел на нахалок, посмеявших так нагло и так самовольно вмешаться в расписанную лет на пять вперед брачную политику. И как назло девки-то они все перспективные, спортсменки, комсомолки, передовички производства, да и просто красавицы и что ты хочешь делать, но хотят они за него замуж и все. Кстати, теперь понятно на какой сук ночью напоролся Серега и чему так ехидно улыбается Катка. Нет, наказывать девок нельзя ни в коем случае. Будет только хуже. Но и замуж их тоже сейчас брать никак нельзя, тогда рухнут все с таким трудом установленные барьеры. Да и замужество это будет очень ненадолго, потому что не пройдет и года и по местной статистике придется хоронить как минимум двоих из этой пятерки. Витальевна его убьет, тем более что на всех пятерых у Петровича уже есть некие далеко идущие планы, только дайте закончить с лихорадкой подготовки к зиме и посадить детишек за парты. Но что делать с ними прямо сейчас?

– Знаешь, Петрович, – вдруг сказала Фэра, – это очень хороший-хороший девочка. Но ты говорить, что мы теперь жить долго-долго и тогда им рано быть твоя женщина. Тогда ты давать им обещаний, как маленький Антоша давать обещаний свой девочка. Две зимы, три зимы обещаний, потом он стать твой женщина, если не думать про другой...

Сергей Петрович немного подумал, а потом кивнул.

– Да, девочки, – сказал он, – вы согласны с моей женой Фэрой? По другому все равно никак не получится, потому что вы еще слишком маленькие и Марина Витальевна не разрешит вам стать моими женами.

– Да, – закричали все пятеро, – мы согласна, мы очень согласна дать обещаний. Ну, пожалуйста, Петрович. Делай так.

– Хорошо, – сказал Сергей Петрович, – а теперь идите и никому не говорите, что вы здесь были, а то у меня будет много-много головной боли.

– Погодить Петрович, – неожиданно сказала Фэра, – этот негодяйка обязательно надо наказать. Пусть он ложится сюда, а мы с Анна будем их мучить, как ты с Ляля мучить нас. Пусть они знают, что такое быть женщина шамана Петрович и не хотеть больше в наш семья. Потом он идти спать, а мы делать тут сладкое. Сэти, плохой девочка, идти и ложиться сюда, или идти прочь и больше никогда не приходиться к нас...

Ну куда девки денутся голые из бани и пошли и легли и были хорошенько пропарены, отхлестаны вениками, напоены настоем из трав, совместное творчество Фэры и Марины Витальевны, и отправлены в казарму спать, потому что было уже поздно, а семья Сергея Петровича наконец-то предалась самым главным банным развлечениям, в надежде на то, что их больше никто не побеспокоит.

Вот так закончился первый банный день в клане Огня. На будущее, вожди решили, что поскольку баня маленькая а попариться вволю и не торопясь хочется всем, то у каждой из шести семей будет свой день недели, а воскресенье будет отдано детям, незамужним девушкам и «семейству» Антона-младшего.

* * *

10 сентября 1-го года Миссии. Воскресенье. Пристань Дома на Холме

Проснувшись утром, Сергей Петрович обнаружил, что температура за ночь упала ниже нуля, в лужицах под ногами похрустывает ледок, а в атмосфере при ясной погоде, осложненной незначительной дымкой, господствует ледяной пронизывающий северный ветер, доносящий даже далеко на юг холодное дыхание Великого ледника.

– Первый привет от Снежной Королевы, – подумал Петрович, – однако, здравствуйте, сударыня Зима. Вовремя мы одели наших черненьких во все теплое – судя по всему, в ближайшее время ждут нас новые климатические испытания. И хоть шалаши-вигвамы всем хороши – и ветром не продуваются из-за кожаной крыши, и тепло неплохо держат – но все же они не годятся для по-настоящему холодной погоды – пора-пора, давно пора принимать в эксплуатацию общежитие, а то мы здесь все в скорости померзнем, хоть просись к девкам в казарму на постой...

Так что после завтрака Сергей Петрович отослал часть своей бригады выгружать из обжигательной печи известняк (благо он уже остыл и с кипелкой девки успели управиться), а сам направился на стройку – стимулировать работы по общежитию и столовой, где тоже все было в разгаре. Завтракать под навесом на пронизывающем холодном ветру было не очень уютно, и Петрович опасался, что таким вот макаром кто-нибудь может застудить себе почки – а это уже будет хуже некуда. Поэтому львиная часть (примерно три четверти) бригад Сергея Петровича и Лизы работала именно на столовой – там уже был возведен каркас, и теперь требовалось закончить кладку стен – и в первую очередь северной, чтобы не задувал этот дурацкий сквозняк, но сперва все же требовалось перекрыть крышу.

Сергей Петрович подумал о том, что, собираясь в этот каменный век, он даже и не представлял себе, какой масштаб примут их работы. Проект маленького домика на десяток человек, дарующий им комфорт и покой, показался ему наивной утопией – и если бы на все это потребовалось закупать материалы еще там, дома, то они никогда бы не тронулись с места.

Во-первых, в плане финансов это едва ли можно было потянуть, а во-вторых, в этом случае потребовался бы корабль гораздо больше и вместительнее их «Отважного» – и эта махина, конечно, никогда и ни за что не прошла бы по речной системе балтийского стока, а также по изобилующей отмелями Великой реке, неизвестной ни одному лоцману. Это им повезло, что проскочили, хотя в этом везении есть и доля трезвого расчета, потому что поморские кочи как раз и предназначались для таких сложных путешествий. Вздыхнув, Сергей Петрович решил, что раз уж все идет весьма неплохо, то не стоит жалеть о содеянном, а стоит делать то, что должно делать, и пусть свершится то, что им суждено.

Кстати, ближе к обеду в бригаде Лизы случился маленький переполох, и его виновницами были пятеро маленьких оторв, вчера нелегально добывших себе статус невест Сергея Петровича. Когда девки вспоминали о том вечере, то у них краснели щеки, начинало чаще биться сердце, а между ног становилось жарко и мокро. Нет они как были, так и остались девушками; но вот сама банная процедура, «настоящая», как они ее называли (в противовес торопливой помывке теплой водой), – с вениками, паром, окатыванием холодной водичкой, и снова вениками с паром – произвела на них неизгладимое впечатление, впрочем, и жены Сергея Петровича, которых они раньше считали старухами, поразили их не меньше.

Какие там старухи – настоящие красавицы, сильные, ладные, с гладкой кожей, большими, лишь слегка отвислыми грудями и развитыми мускулами, так красиво играющими под кожей в банной полутьме. Понятно, почему шаман Петрович, совершивший с Фэрой и Алохэ-Анной такое волшебство, отказался брать в жены их, молодых девочек, сказав, что они должны еще подрасти. Каждой девочке или женщине хочется быть такой уверенной в себе, такой красивой и величественной, любящей и любимой, как эти счастливицы.

Нет, девки никому не рассказали о том, что произошло там, в бане – слишком уж это было значительным и личным – поэтому они, все пятеро, не сговариваясь, решили держать это в тайне. Но, как водится, были свидетели (точнее, свидетельницы), которые видели, как эти пятеро поднялись с нар и вышли из казармы, знали, куда они ходили и когда вернулись; дальше было только дело времени, которое потребовалось для того, чтобы нервный ревнивый слух (а то как же – на месте этих пятерых хотела оказаться любая) дошел сперва до Лизы, а потом и до Марины Витальевны.

Гром по этому поводу был вместе с молниями. Правда, Петровича, как и его жен, к этой разборке поначалу не привлекали – что было откровенной ошибкой и лишним недоверием. Просто Марина Витальевна взяла всех пятерых ослушниц, изрядно напуганных таким оборотом событий, и отвела их в ту же баню (по причине рабочего для умеренно натопленную для наличия горячей воды), где и провела их полный гинекологический осмотр. Результат, естественно, оказался полностью нулевым, ибо еще никто не лишился девственности, просто попарившись в бане. Почесав в затылке, Витальевна наконец догадалась отпустить плачущих девочек и вызвать к себе Лялю, чтобы получить информацию из первых рук.

Так уж получилось, что по пути Ляля встретила рыдающих девочек и резко передумала идти к Витальевне, считая, что в намечающемся скандале (а ведь за своих надо заступаться) против главы женсовета у нее будет совершенно недостаточно веса. Вместо этого она взяла девочек и пошла с ними на стройку к Петровичу, который как раз возился на крыше столовой, стремясь успеть полностью закончить кровлю до заката. Фэра, этот местный гидрометеоцентр, сказала, что по всем приметам – не завтра, так послезавтра начнутся затяжные дожди, и тогда по-настоящему сухой погоды они не увидят уже до будущей весны.

Увидев Лялю и плачущих девочек, Сергей Петрович слез с крыши и начал задавать вопросы, все больше хмурясь по мере получения ответов. Уже через минуту от его спокойного рабочего настроения не осталось и следа. В конце концов это его будущие невесты – ему и разбираться с нанесенной им обидой. А обида была. У Сэти щека припухла и покраснела, ибо девочка, привыкшая к уважительному отношению к себе, посмела возражать Великой и

Грозной Мудрой Женщине – и получила за это в запале пощечину. А рука у Витальевны ой какая тяжелая, и характер тоже не легче. Поздняя беременность протекала довольно тяжело, и у женщины случались сильные перепады настроения.

С учетом всего этого – в первую очередь беременности Марины Витальевны, а еще нежелания выносить сор из избы – Сергей Петрович решил не скандалить, а постараться спокойно разобраться в произошедшем. Да и негоже это для мужчины скандалить с чужой женой – «западло», как выражаются в неофициальных кругах. Поэтому, предварительно успокоив, Петрович отпустил девочек, пообещав им, что сам во всем разберется. Потом, взяв под руку Лялю, он быстрым шагом направился в береговой лагерь, по дороге стараясь смирить свой гнев. А гневаться на Витальевну было за что. Она мало что ударила девочку, даже не являвшуюся ее прямой подчиненной – она сделала это в порыве гнева и дурного настроения, находясь в плену ложной информации, даже не пожелав выслушать ни Сэти, ни ее товарок.

Дело в том, что слух, пошедший по женскому «опчеству», был весьма далек от истинного положения дел – да он и не мог быть правдивым, поскольку участники событий о них не распространялись, и все детали, которые достигли ушей Марины Витальевны, были выдуманы сплетницами в меру собственной испорченности и темперамента. Одно это ее и извиняло, но все же не до конца. Марина Витальевна баба взрослая, что такое сплетни в женском коллективе, должна знать не понаслышке, и потому раздавать оскорбления, а тем более размахивать руками, не выяснив подробностей из независимых источников, было с ее стороны непростибельной глупостью и серьезным проступком. Немного остыв, она и сама это поняла; и когда увидела, что Ляля идет к ней не одна, а со своим мужем, то испытала истинное облегчение. Это перед Лялей ей извиняться было стыдно и неуместно, а вот перед Великим Шаманом Петровичем – совсем наоборот, тем более что он сам не давил, не размахивал руками, и не орал дурным голосом. Не такой он человек. В любом случае, Витальевна была кругом виновата, и эту вину надо было искупать. В первую очередь перед Сэти за несправедливую пощечину, но и перед остальными девочками за нанесенные им оскорбления – тоже. Если бы даже та сплетня (а точнее, донос) подтвердилась, и событие, прошу прощения, разврата имело бы место – то в этом случае наказание девочкам могло быть вынесено только после обсуждения на женсовете, и только решением Совета Вождей. В противном случае получается чистейшей воды самоуправство.

– Придется тебе, Витальевна, – сказал в конце Петрович, – извиниться перед девочками за твою неумеренную резкость и грубость. А за пощечину ты должна будешь сделать ей подарок – лучше всего одну из тех безделушек, которые так милы девичьему сердцу. Вот такую я на тебя наложил епитимью, и не как жених этих девочек (это еще бабушка надвое сказала, моими они женами станут или чьими-нибудь еще), а как шаман нашего клана, который должен решать вопросы обиды и воздаяния.

– Я все понимаю, Петрович, – вздохнула Марина Витальевна, – и сделаю все по твоему приговору. Есть у меня посеребренные сережки с синими камушками, вроде бы бижутерия, но очень миленькая. Как раз к глазам твоей Сэти. Но скажи мне, почему ты дал девкам это дурацкое обещание? Что, нельзя было обойтись без него? Теперь каждая вшивая шантажистка полезет в баню к тебе или к Викторовичу, чтобы таким путем удачно выскочить замуж. Греха потом не оберешься...

– Не полезет, – ответил Сергей Петрович, – дело в том, что когда ко мне и к моим женам вломились Сэти и компания, это было не запрещено. Ну не догадался я наложить табу на подобные авантюры, каюсь. Но сегодня, аккуратно после обеда я объявлю, что лавочка закрыта и что заявки о большой и чистой любви надо подавать только через женсовет, а в самовольном порядке это явление наказуемо. Например, пожизненным табу на замуж.

– Пожизненное табу – это слишком жестоко, – снова вздохнула Марина Витальевна.

– Пожизненное табу, – сказал Сергей Петрович, – можно будет в любой момент снять. Ну, в смысле – как только мы убедимся, что наказанный исправился. Но для этого надо будет очень сильно постараться. Ты мне лучше скажи, кто это у нас там такой бдительный, что сделал тебе этот ложный донос, расписав то, чего не было, да и быть не могло? Ведь если не скажешь, я эту ретивую доносицу найду сам, своими шаманскими средствами, и тогда все будет только хуже.

– А может, не надо, Петрович? – жалобно спросила Марина Витальевна, – ты ведь их накажешь – а получится, будто это личная месть, и выйдет нехорошо...

– Ничего подобного, – возразил Петрович, – ведь я накажу их не за то, что они сообщили тебе о визите девочек к моей семье в баню (это чистейшая правда), а за то, что напридумывали себе дурацких подробностей, что было уже полной ложью. Если мы позволим развиваться этому явлению (а коллектив у нас преимущественно бабский, склонный к таким вещам), то мы утонем в интригах и уже никогда не сможем отличить правду ото лжи. Ложь в нашем обществе, моя дорогая Мудрая Женщина, никогда не должна приносить дивидендов – а только самое строгое наказание. В то же время правда должна вознаграждаться и восхваляться, какой бы горькой и неприятной она ни была.

– Хорошо, – кивнула Марина Витальевна, – я назову тебе их имена, но только пообещай, что наказание будет суровым, но не жестоким.

– Обещаю, – торжественно произнес Сергей Петрович, – я и жестокость – понятия несовместимые.

Так и произошло. Перед обедом, в присутствии всего клана, сперва Сергей Петрович публично вынес свой приговор, потом Марина Витальевна так же публично извинилась перед напрасно оскорбленными девочками и принесла Сэти виру – те самые посеребренные сережки с синенькими камушками. Сказать, что девочка была обрадована – это значит ничего не сказать. Несправедливость была исправлена, правда восстановлена, а ей досталась вещь, которая по статусу приближала ее к уровню вождей. Печалило Сэти только одно – у нее не были проколоты уши, и носить эти серьги, подтверждая свой статус она не могла. К тому же на ее одежде отсутствовали карманы, (они еще не были изобретены), и серьги очень легко могли потеряться. Но тут на помощь девочке пришла старшая и любимая жена Сергея Петровича – красавица, спортсменка и просто комсомолка. Ляля забрала у Сэти серьги, сунула их в нагрудный карман и сказала, что прокалыванием ушей они займутся сразу после обеда, и если девочка согласна немного потерпеть боль, то ей потом будет удовольствие на всю жизнь. Забегая вперед, надо сказать, что так они и сделали, и на рабочее место невеста Сергея Петровича пришла донельзя довольная, поблескивая подаренными серьгами – чем вызвала страшную зависть товарок.

Итак, закончив с компенсацией за несправедливое и самовольное наказание, шаман Петрович перешел к вопросу возмездия за ложный донос. Из общего строя были вызваны несколько девочек – одна бывшая Лань по имени Тума, примерно тринадцати лет от роду, и две такие же юные полуафриканки Гаитэ-Герта и Форитэ-Фрося. На них, всех троих, шаман Петрович наложил недельное табу на разговоры, пояснив при этом в краткой формулировке суть наказания, заключающуюся в том, что если не знаешь подробностей какого-либо события, то лучше их не выдумывать. А то получится так, как сейчас, когда приходится отвечать за произнесенную ложь.

И что самое удивительное – девки реально не могли произнести ни звука. Рот, как рыбы, открывают – и тишина. Сергей-то Петрович думал, что он запретит им разговаривать, а за исполнением этого запрета еще надо будет проследить, но, как выяснилось, все утряслось само собой, потому что авторитет Сергея Петровича среди девок достиг таких высот, что наложенное им табу действовало самым непосредственным способом – видимо, тут в чистом виде срабатывала психосоматика...

Примерно вот так прошло воскресенье, десятое сентября, в течении которого больше никаких особых событий не случилось.

* * *

11 сентября 1-го года Миссии. Понедельник. Пристань Дома на Холме

Как оказалось, Фэра была права, и ночью пошел весьма сильный холодный дождь, который к утру ослаб до мороси, но все равно и пожелтевшая пожухшая трава на лугу, и наполовину облетевшая листва на деревьях и все прочее оказалось насквозь мокрым, а в холодном влажном воздухе повис специфический запах грибной прели. Стоило только тронуть дерево или куст, как на землю проливался самый настоящий ледяной дождь. Сергей Петрович, как и все остальные вожди, только порадовался тому, что картошка уже убрана и спрятана в накрытый пленкой бургт. Не дай Бог, она осталась бы на открытом воздухе в такую погоду...

Когда на завтрак пришел Сергей-младший (который со всем своим семейством поселился в шалаше-вигваме, построенном у стройки Большого Дома, с задачей охранять бургт с картошкой и поддерживать, по необходимости огонь в печи для обжига известняка), то выяснилось, что ночью там произошло небольшое несчастье. Ну это для кого несчастье, а для кого совсем наоборот. Кабанья банда, попробовавшая совершить налет на бургт, понесла невосполнимые утраты. В расцвете сил погиб секач, которому жаканом из «Сайги» прилетело прямо в раззявленную пасть – захлебнулся собственной кровью. Это ему не повезло, взрослого секача в период жировки по большей части можно подбить только из гранатомета – натуральный танк в броне из сала. Пали от арбалетных стрел на поле боя также два подсвинка и взрослая свинья, от которой по лесу с визгом разбежалась стайка подрощенных свинтусов, каждый не менее полсотни кило весом. Все случилось из-за того, что дождь затушил сторожевой костер, и теперь клану опять предстояла возня со свиной. По счастью, погреб с ямой для засолки мяса был выкопан в земле по всем правилам – с дренажом и надежным перекрытием, так что стратегическим запасам свинины ничего не грозило. Было решено, что секач и свинья пойдут в яму, а подсвинки останутся Марине Витальевне на ежедневные расходы. Кстати, сальцо у тех и у других уже имелось – сезон жировки был в самом разгаре.

А вот штамповка сырцового кирпича накрылась медным тазом. То есть отштамповать его, конечно, было еще можно, а вот надеяться, что он высохнет – это уже увольте. Поэтому всю ту бригаду, что штамповала кирпич и копала глину, Сергей Петрович вооружил острыми ножами и направил на резку тальниковой лозы, обильно произрастающей по берегам Ближней. Лоза – это и теплица Марины Витальевны, и тара для хранения продуктов (короба и корзины), а также каркасы для керамических изделий по технологии, не требующей гончарного круга. Пусть будет. Ту же картошку в подвале лучше хранить не навалом, а расфасованную по мешкам, или в данном случае корзинам. В любом случае, лежит и есть не просит, пока у Антона Игоревича (и именно у него) не дойдут руки показать народу еще один мастер-класс по плетению лозы.

Кроме всего прочего, Сергей Петрович порадовался, что еще вчера перекрыл кровлю столовой, и теперь девочки из бригады Лизы лихорадочно заканчивают кладку стен и их затирку при помощи глиняно-опилочного раствора. Уже сейчас обедать в береговом лагере под простым навесом до предела неприятно, потому что холодно, промозгло и продуваемо ветром. Девочки стараются для себя, и это знают. Еще немного, и можно будет переезжать из Берегового лагеря, причем полностью и окончательно. К пятнадцатому числу будут одновременно готовы и столовая, и общежитие, а до того времени придется принимать пищу под порывами нешуточного ветра, испытывая холод и сырость.

По-прежнему продолжалась долбежка известняка при строительстве подвала. На одной стороне было выдолблено уже две трети от общего объема, и процесс продолжался. Андрей Викторович обещал, что уже к субботе одна половина будет доделана, и тогда можно начинать заниматься второй. Да, это вам не дом на песке ставить, или в крайнем случае на глине. Полно-

стью подвал, по расчетам Андрея Викторовича, будет готов к пятому октября. Подумав, Сергей Петрович решил, что раз электрический перфоратор в основном сверлит, а не долбит, то класть цоколь дома можно будет начать, как только закончатся все работы в столовой, общежитии и керамическом цеху, а пока пусть люди занимаются делом. Тем более что как раз столько времени уйдет, чтобы загасить произведенную известь, дать ей отстояться и, перемешав ее с песком, получить кладочный раствор. Как раз на все нужно дней пять, особенно длителен процесс гашения извести без доступа воздуха и последующего отстоя.

* * *

12 сентября 1-го года Миссии. Вторник. Пристань Дома на Холме

Дождя не было, но погода продолжала оставаться пасмурной, холодной и сырой. Низкие серые тучи, прилетавшие на крыльях ветра с Атлантики, уносились дальше в сторону Альп, и на их место тот же ветер приносил новые. Несмотря на настоль мерзкую погоду, бригада Антона-младшего продолжала рыбачить, благодаря чему завтрак или ужин в клане Огня непременно состоял из рыбных блюд. И не всегда эти блюда были, так сказать, ординарными. Например, сегодня вся рыболовецкая бригада тянула одну-единственную рыбу – но вытянуть ее смогла только тогда, когда Антон-младший догадался зацепить плетеный шнур за упряжь лошади, которая в режиме челнока моталась между берегом и кухней, перевоза туда улов. Это оказался не осетр, как вначале подумал Антон-младший, а самый настоящий сом, который ни в какую не помещался в транспортные корзины на лошади, и из-за этого для него даже пришлось вызывать УАЗ. Жареная сомятина – блюдо очень жирное, но погода и обильный физический труд едоков говорили о том, что в данном случае это самое то.

Привезенного в береговой лагерь сома измерили рулеткой, по кускам взвесили, и в обед устроили удачным добытчикам праздник, во время которого каждый должен был встать и сказать про них что-нибудь хорошее. Плохое запрещалось говорить категорически. Что самое удивительное – заговорили и наказанные сплетницы, но как только они закончили свое восхваление удачливым добытчикам, то дар речи снова их покинул. Так сказать – до истечения срока наказания или особого распоряжения.

Ради этого маленького праздника к обеду даже разошлись тучи и выглянуло солнце, раскрасив все вокруг яркими цветами, одарив землю и людей последним в этом году теплом. Будто так прощалось уходящее лето, обещая вернуться на следующий год. Была в этом мероприятии и еще одна полезная сторона. Все и каждый – бывшие Лани и полуафриканки – видели, что стоит тебе как следует постараться для клана – клан это непременно заметит, оценит и похвалит. А те, кто делает своим товарищам гадости, потом в буквальном смысле и рта раскрыть не смогут.

В остальном все производства в этот день продолжали жить обыденной жизнью. Кирпичный завод Антона Игоревича перепрофилировался под выпуск глиняных горшков на плетеном каркасе. Несколько женщин уже сидели и плели в свежестроенном керамическом цеху из нарезанной вчера лозы широкогорлые корзины редкого плетения, которые потом надо будет выстелить изнутри тщательно заглаженными глиняными колбасками. Такую посуду Антон Игоревич на пробу уже делал, но сейчас это должен быть по-настоящему массовый продукт большой емкости. Не миски и тарелки, а огромные горшки с крышками для хранения зимних запасов: рыбы, мяса и прочих разных вкусов. Как раз к тому времени, когда будет исчерпан весь запас предназначенного для обжига сырцового кирпича, заготовки посуды успеют полностью просохнуть, и большая печь сможет принять их в свои жаркие объятия.

* * *

13 сентября 1-го года Миссии. Среда. Пристань Дома на Холме

В этот холодный осенний день зарядил унылый дождь, начавшийся еще ночью, но это не помешало состояться радостному и долгожданному событию – досрочно была сдана в эксплуатацию зимняя столовая. После ужина во вторник большей котел был вытаскен из очага летней столовой и на УАЗе торжественно перемещен на свое новое место, где он и будет пребывать до того времени, пока клан не переедет в еще более совершенное жилье Большого Дома.

Все были так счастливы, что мало кого волновали незначительные детали, вроде свежештукатуренных стен, которые, будучи еще сырыми, начали отчаянно парить, когда утром под котлом был разведен огонь. По помещению пошли волны удушливого жара. Первый завтрак прошел будто в бане, все обливались потом, поедая горячую кашу, а некоторые девки даже снимали свои парки и положили их на скамейки рядом с собой, оставшись выше пояса только в одних топиках. Поскольку сквозняков в столовой не было, то это ничем плохим им не грозило.

Хуже всех приходилось Марине Витальевне и ее помощницам, которые, красные и распаренные, с уполовниками в руках, метались у котлов, подобно суетливым чертовкам, поминутно утирая со лбов трудовой пот. Если Марина Витальевна и Марина-младшая еще держали марку приличия, оставшись в штанах и в майках (пусть даже они и промокли насквозь), то Фэра и Нита не выдержали и разоблачились, что называется, до формы одежды «номер один» (применительно к женскому личному составу), и теперь по-летнему блистали кожаными топиками, трусиками и голыми потными телесами. Будь здесь посторонние мужики, голодные до голого женского тела, то специфического восторга и гогота было бы не избежать, но мужики тут все были свои, что называется, «наевшиеся», у каждого из которых и свои жены были ничуть не хуже.

Но все же это было лучше, чем есть под стучащим по навесу проливным дождем, среди луж и под порывами холодного ветра. Жару обитатели каменного века терпеть были согласны, а вот холод нет. Наелись они этого холода по самые уши, поэтому приветствовали начало работы крытой столовой, несмотря на все имеющиеся в ней недоделки. Сыро, душно и жарко, но терпимо и к тому же когда-нибудь эти стены все же просохнут.

Успокоил всех Сергей Петрович, сказав, что глиняная штукатурка просохнет через пару дней, после чего стены будут побелены свежеразведенной гашеной известью. И для красоты – чтобы в помещении было светлее, и для дезинфекции. После завтрака в столовую пришел Валера с дрелью, украсивший центральные опорные столбы между столами дырками примерно сантиметрового диаметра, после чего в них были вставлены выточенные на токарном станке цилиндрические палочки. Получились такие симпатичные деревянные вешалки, на которых обедающие могли бы повесить свою верхнюю одежду. Чего уж там говорить – не догадались сразу наши великие строители, всего-то и не умыслишь. Но зато быстро реабилитировались, оперативно устранив обнаруженные недоделки.

На этом о столовой пока все. Самое главное, что с этого дня прием пищи перестал сопровождаться для членов клана неприятными ощущениями от холода, и риском простудных заболеваний. Ничем прочим особенным этот день не выдался, работы на прочих объектах, несмотря на занудный дождь, продолжались в темпе «держи вора». На стройке Большого Дома над местом долбления подвала был сооружен передвижной навес, который полуафриканки из бригады Андрея Викторовича перемещали на полметра каждые пять-шесть часов. Казалось, что на них не действовал ни холодный дождь, ни ветер, когда они – полуголые, блестя коричневыми телесами – бегали с тачками, выгружая из будущего подвала надробленный известняк.

На все просьбы надеть парки и штаны они говорили, что привыкли к холодной и мокрой погоде еще там, на побережье, в своей позапрошлой жизни, когда Тюлени были обычным племенем охотников на морских животных. А охота – она бывает не только летом, когда теплая вода, ласковое солнце и голубое небо, но и зимой, когда море становится серым, злым, сплошь покрытым белыми барашками, под таким низким серым небом с холодным пронизывающим ветром. И в такую погоду зачастую приходилось садиться в кожаные лодки, и, отчаянно гребя короткими веслами, выходить в такое неласковое море, чтобы добраться до лежбища тюленей или птичьего базара, до которых нельзя дойти по берегу. Такой дождь, как сейчас – это еще благо, потому что вода в нем не соленая, и кожа после нее совсем не чешется. Лучше потом, после работы, скинув промокшую летнюю одежду, голышом влезть в сухие и теплые парку и штаны, сразу обсохнув и согревшись. Потом сытный горячий ужин, где много мяса, жира, картошки и прочих прелестей, от которого в животе становится очень хорошо, после чего крепкий сон в жарко натопленной казарме, а с утра все сначала. Вот вам, товарищи, и полуафриканки – вроде бы южные и теплолюбивые существа...

Тут же, совсем рядом с подвалодолбильщиками, в обжигательную печь загружалась новая партия известняка, а в кипелке шипела и бесновалась гасящаяся известь, плотно прикрытая деревянной крышкой, не допускающей ни разлета жгучих брызг, ни доступа воздуха с таким вредным для процесса газом CO₂. Дня через три погашенную влажную известь можно будет перебрасывать в ванну для отстоя, откуда ее потом будут брать в бетономешалку и, смешав с песком, готовить известковое тесто.

* * *

14 сентября 1-го года Миссии. Четверг. Пристань Дома на Холме

С утра дождь утих и небо даже немного развеялось, но все равно даже в районе полудня температура воздуха не поднималась выше двенадцати-тринадцати градусов тепла. Весь день Сергей Петрович работал со своей столярно-плотницкой бригадой. Перегородки в общежитии были уже установлены и дело дошло уже до сколачивания лежанок. Очаги понемногу топились, кан был теплым и внутри общежития было тепло, и вкусно пахло обструганным смолистым деревом. И хоть спешка хороша только для ловли блох, но Сергей Петрович решил во что бы то ни стало закончить сегодня все работы, чтобы завтра прямо с утра учинить праздник новоселья.

А то как-то нехорошо получается – рядовые члены клана живут в теплой и уютной казарме, а вожди ютятся по летним халупам, которым по ночам откровенно уже не хватает отопительных возможностей. То есть местные, разумеется, были бы рады и тем шалашам-вигвамам с канами (у них самих, в жилищах с центральным костром-очагом условия были гораздо хуже), но ни Марина Витальевна, ни Антон Игоревич, ни Сергей Петрович, ни Андрей Викторович, ни Ляля, Лиза, Катя, Сергей-младший и Валера никак не являлись местными. Они и сами хотели жить по-человечески в своем понимании, и всему своему новому клану привить правильный вкус к жизни. Потому-то так и торопился Сергей Петрович с общежитием, ведь в этот шалаш-вигвам даже электричество не проведешь, да и с понижением по ночам температуры до нуля и ниже, вылезать утром из-под одеяла становится мало-мало неприятно. Нет, вопрос общежития назрел и перезрел, вот и работает над ним Сергей Петрович как проклятый.

* * *

15 сентября 1-го года Миссии. Пятница. Пристань Дома на Холме

Ночью опять случился заморозок, земля под ногами задубела, а лужицы покрылись льдом. Правда, текучая вода, в Ближней и тем более в Гаронне пока сопротивлялась наступ-

лению мороза, и лед там не появился даже в стоячих прибрежных заводях. Наверное, еще не время. Первым делом, сразу после завтрака, состоялось великое переселение народов. Из шалашей-вигвамов вытаскивалось все ценное и неценное имущество, и Антон Игоревич на УАЗе отвозил его на новые квартиры, где в отдельных теплых полукомнатах, еще пахнущих обструганной сосной, на прочных трехъярусных широких лежаках, застеленных сухой травой, уже были расстелены покрышки из шкур. Каждая комната, отделенная от коридора занавесью из шкур, была рассчитана на размещение от шести до двенадцати (если на один лежак шириной в метр двадцать класть сразу двоих) человек и больше напоминала купе плацкартного вагона двойной ширины, чем нормальное жилье. Но как паллиатив пойдет, тем более что решает самую главную задачу – размещение максимального числа народа в минимальном объеме при максимально комфортных условиях, когда тепло, светло, ниоткуда не дует и на голову не каплет. В результате примерно к десяти часам дня береговой лагерь окончательно опустел. С шалашей-вигвамов забрали покрышки из шкур, и эти временные сооружения враз приобрели такой вид, будто были заброшены еще давным-давно.

Сергей Петрович, например, в своей комнате распределил места так. Фэрины близнецы Сипа и Кота – вдвоем на самую верхнюю левую полку, все равно обе лазают по лестнице как молодые обезьянки. Там же их подружка, на год младше, по имени Сила, которая является старшей дочерью Мани. Им там наверху прикольно. Туда же, к девочкам, угнездилась серо-полосатая кошка Мура Петровна, которое все лето и осень провела за изучением окрестностей, питаясь вкусеньким от Марины Витальевны и дикими полевыми грызунами. Как стало холодать и грызуны попрятались, кошка снова вспомнила, что у нее есть хозяин, который не только посадит на колени и погладит, но еще и обогреет и накормит. Правую самую верхнюю полку заняли две молодые полуафриканки – Вауле-Валя и подруга, за которую она очень попросила – Оритэ-Оля. В принципе, Сергей Петрович и так собирался, сдав в эксплуатацию общежитие, распахать по замужествам всех женщин, считающихся взрослыми, чтобы в казарме вместе с подростками их не осталось ни одной – ни полуафриканки, ни бывшей Лани. Средняя левая полка отдана в монопольное пользование Илин, ее годовалой дочери Мули и трехлетней дочери Мани Питы. На средней правой полке будут спать старшая жена Фэра, а также Мани. Внизу слева – любимая и главная жена Ляля и старшая полуафриканская жена Алохэ-Анна, которые странным образом сдружились между собой и оказались не разлей вода – несмотря на то, что ничего общего между этими молодыми женщинами не было, и быть никогда не могло. Внизу справа устроился сам господин и повелитель всего этого гарема, который будет спать с той из жен, какую ему на эту ночь выберет жребий, очередь, его собственное желание или решение бабского коллектива. Хотя очередь все же и справедливей и демократичней, семь жен – семь дней недели, а в случае женского недомогания очередной жены последует переход хода, тем более что раз в неделю будет банный день, где у всех жен будут равные возможности завладеть вниманием своего мужа. Но это будет потом – переселение переселением, а работа работой. Наскоро разложив вещи, все разошлись по своим бригадам, поскольку посвященный этому событию праздник был назначен на вечер.

Сергею Петровичу в этот день наконец предстояло перенести все свое внимание на стройку Большого дома на холме. Рабочая сила освободилась, у Антона Игоревича на складе лежал запас жженого кирпича, необходимый для начала работ, подвал с одной стороны будущего дома был почти полностью выдолблен, дорога на холм окончательно расчищена от пней – и теперь Сергею Петровичу требовалось произвести разметку основания под цоколь будущего дома, пока девочки из Лизиной бригады заняты важнейшим делом – погрузкой и разгрузкой перевозимого с завода кирпича. Ведь пока есть время, надо создать себе фронт работ, чтобы потом не отвлекаться на вспомогательные работы.

– В принципе, – подумал он, – совсем необязательно выдалбливать подвал под обеими половинами дома. Полутора сотен кубов объема погреба вполне достаточно, так что второй

подвал того же объема совсем необязателен, тем более что он не выкапывается в глине, или там в песке, а выдалбливается в известняке. И так Андрей Викторович, Сергей-младший и полуафриканки из бригады проделали титанический труд, на который невозможно взглянуть без трепета. Нет уж. Завтра они додолбят подвал по длине и оформят лестницы вместо выездного пандуса для тачки – после чего можно будет приступить к основной части стройки дома.

Каркасный материал в сушилке уже полностью высох, но Сергей Петрович пока не торопился его оттуда извлекать. Лучше всего это делать, когда цоколь дома будет уже полностью выложен и пора будет поднимать каркас.

А пока, взяв в помощь Лизу и Алохэ-Анну, а также вооружившись рулеткой и мощной ударной дрелью из своего арсенала, Сергей Петрович приступил к разметке будущего цоколя. Дрель ему была нужна для того, чтобы высверливать в известняке отверстия, в которые потом встанут разметочные колышки. Не такая это и простая задача. Уж больно специфический под их будущим Большим Домом грунт. Сам Сергей Петрович вымерял и сверлил. Алохэ-Анна бегала с рулеткой, держала конец и всячески помогала, служа шаману третьей очень длинной рукой. Лиза вставляла в засверленные отверстия колышки и тянула шнуры. Уже к вечеру, за исключением проезда для тачки, на которой вывозился известняк, контур будущего большого дома был размечен колышками и шнурами. Андрей Викторович обещал, что завтра к обеду долбежка будет закончена, и тогда по этому контуру можно будет сперва класть ленточную подложку на бетонном растворе с ячеистой сеткой, а уж потом выводить на нем цоколь их будущего дома. Но это будет завтра, а сегодня в клане праздник Новоселья.

Собрав своих людей и сложив инструменты, Сергей Петрович развернулся и направился домой, где его ждали и не могли дождаться родные люди. Даже годовалая малышка Мули уже хорошо запомнила этого дядю, и каждый раз, когда его видела, тянула к нему ручки, желая, чтобы Сергей Петрович взял ее на ручки. Не миновать ей называть его папой, хоть он и не имеет к ней никакого отношения в плане биологии. Но зато в плане культуры, воспитания и обучения, Сергей Петрович является для девочки настоящим отцом, и в этом нет никакого сомнения. Собственно, в таком случае можно сказать, что неважно, кто зачал – важно, кто вырастил и воспитал.

К тому моменту, когда Сергей Петрович подошел к общежитию, вечер уже полностью вступил в свои права и начало темнеть. В последнее время свой ужин членам клана приходилось вкушать уже в темноте. Ничего не поделаешь. Дни становились все короче, а ночи длиннее, но у новой столовой было такое преимущество, что ужинать в ней можно было и с искусственным светом, который давал прирученный Дух Молнии.

Так вот – для того чтобы как следует отметить этот праздник, в столовой ждал праздничный обед, точнее ужин, а прямо за сдаваемым в эксплуатацию общежитием был сложен огромный, выше человеческого роста, «пионерский» костер из отходов лесопильного производства бригады Сергея Петровича. Тут же находились и остальные члены клана, ведь предстояла не только торжественная сдача общежития в эксплуатацию, но еще и дополнительные свадьбы, музыка, песни и пляски до упаду.

Идея провести по-настоящему большой праздник появилась у Сергея Петровича, когда он увидел, что погода держится вполне приличная и не собирается портиться. Уже несколько недель воскресенье значило для членов клана все меньше и меньше, а потом и вовсе потеряло смысл, потому что всех охватила лихорадочная гонка наперегонки с зимой. Теперь же, пусть это и не воскресенье, требовалось устроить клану настоящий праздник, чтобы все видели, что клан Огня умеет не только работать, но и от души веселиться.

Сергей Петрович вышел перед кланом и в очередной раз пожалел, что у него нет настоящего шаманского бубна. Сколько интересного он с ним бы мог сделать – но, видимо, не судьба. Так что пришлось обходиться без бубна, одной своей величиестью и умением удерживать

внимание публики. Правда, ему очень сильно помогала играющая на заднем плане музыка Жан Мишель Жарра. Очень полезно в таких случаях.

Подняв руку, Сергей Петрович привлек к себе внимание публики.

– Итак, – сказал он, и после торжественной паузы повторил бессмертные слова Чебурашки, – мы строили, строили и наконец построили. Ура нам всем. Мы все работали на этой стройке, но некоторые сделали значительно больше остальных, чтобы этот праздник состоялся. Предлагаю каждой бригаде немедленно собраться в кучку и выдвинуть их из своих рядов. Выдвинуть тех, кто лучше всех работал – пусть подойдут к нам, а мы их похвалим и наградим, и вместе с ними отпразднуем это замечательное событие.

Девки собрались в кружок, немного пошушукались и спустя несколько минут вытолкнули к нам: от бригады Андрея Викторовича – его старшую полуафриканскую жену Санрэ-Соню, от бригады Антона Игоревича – жену Гуга, бывшую Лань Литу, от бригады Сергея Петровича – нынешнюю его новобрачную Ваулэ-Валю, от бригады Лизы – известную уже всем организаторшу ночной банной эскапады девочку Сэти, от бригады Ляли – некогда штрафницу, а теперь ударницу и передовичку Аксу, с огромным животом, беременную на седьмом месяце, от кухонно-медицинской бригады Марины Витальевны – ее собрачницу, красавицу и молодую мать Ниту.

После этого, попросив благословения у духов огня, Сергей Петрович раздал женщинам и девушкам заранее приготовленные факелы и плюнул на них огнем из штормовой зажигалки. Как только факелы занялись жарким чадным пламенем, Сергей Петрович выстроил девок цепочкой и повел их за собой вокруг сложенного кострища, сказав поджигать его факелами во всех местах, где получится. Сухие и смолистые сосновые горбыли и вершинки разом полыхнули таким ярким ревущим пламенем, как будто были политы бензином – и ночная тьма, уже начавшая сгущаться вокруг, вдруг отпрыгнула куда-то далеко-далеко, будто напуганная силой и яростью огня. Яркие искры и какие-то мелкие, сгорающие на лету частички праздничным салютом взлетели к небесам, создавая радостное и торжественное настроение.

– Духи огня одобрили нашу стройку, – торжественно возгласил Великий шаман Петрович, – и будут очень рады поселиться в наших очагах. Давайте по этому поводу есть, пить, плясать и веселиться. Маэстро, урежьте музыку!

Маэстро, в роли которого был Сергей-младший, урезал что-то веселое и танцевальное, и Сергей Петрович, взяв за руку свою невесту Ваулэ-Валю, пошел с ней вокруг костра, начиная таким образом змейку, Ваулэ-Валю взяла, за руку Лита, Литу – Санрэ-Соня, Санрэ-Соню – Сэти, вслед за Сэти встала Нита. Одна лишь Акса осторожно отошла в сторону, и присела на принесенную ради такого случая скамью для беременных. Не пристало с ее огромным животом весело скакать в хороводе. За Нитой в змейку потянулись и другие девки и женщины, втягивая в живую цепь и своих мужчин – и вскоре больше полусотни взрослых и приравненных к ним членов клана водили хоровод вокруг пылающего костра. И им было чему радоваться.

– Слава Великому шаману Сергею Петровичу, – кричали они, – который построил эти дома, благодаря которым клан живет в тепле и невиданном уюте. Слава главному охотнику, Андрею Викторовичу, который сделал жизнь клана сытной и безопасной – ни дикий зверь, ни злой человек не смеет к ним приблизиться без того, чтобы Андрей Викторович не поразил их своим громом. Слава старейшине Антону Игоревичу, который в своей мудрости научил духов огня обращать глину в такой удобный ровный камень, из которого шаман Петрович построил свои дома. Слава Мудрой женщине Марине Витальевне, которая одним своим присутствием отгоняет злых духов болезни, которые боятся ее и не смеют приблизиться к клану. Слава их помощникам Валере, Сергею-младшему, Ляле и Лизе, которые всегда оказываются так, куда не успевают вожди и помогают, наставляют и учат наравне с ними. Слава бывшей мудрой женщине Фэре, которая смогла позвать на помощь погибающим ланям могущественный клан Огня, отчего Лани оказались в безопасности, а клан огня получил новых верных членов.

Слава Анне, в прошлом Алохэ, которая сумела найти правильные слова перед победителями, в результате чего женщины впавшего в мерзость людоедства племени Тюленя получили возможность полностью искупить свой грех и влиться в ряды могущественнейшего клана, которому покровительствуют духи Огня и Молнии. Слава всем тем женщинам, что носят в себе детей, которые родятся, вырастут и еще больше усилят родной клан. Слава всем, кто работал, приближая этот радостный день – делал кирпичи, пилил и таскал деревья, делал из них доски, строил дома, шил одежду, кормил и лечил. Слава великому клану Огня! Ура! Ура! Ура!

После того как закончились здравицы, часть народа осталась плясать у костра, а часть – самая голодная – отправилась в столовую, где сегодня был режим самообслуживания. Подходи и по-домашнему клади себе все, чего душа пожелает. Хочешь жирного свиного рагу с картошечкой – пожалуйста. Хочешь запеченной сомятины – тоже пожалуйста, хочешь грибного супчика или жареных грибочков с диким чесноком – тоже кушай на здоровье. Вкуснота!

Поевшие возвращались к костру веселиться дальше, а на их место в столовую приходили те, что были еще голодны, но еда все не кончалась, потому что ее было много. Вот она – модель счастливого будущего для людей из каменного века, не избалованных даже обыкновенной сытостью. В любом другом клане, кроме клана Огня, люди постоянно хотят есть, потому что если даже добыча будет сегодня обильной, то ведь надо подумать еще и о завтрашнем дне, когда, быть может, не удастся добыть вообще ничего. И лишь в том случае, когда добычи очень-очень много, и сохранить ее от порчи невозможно – вот тогда люди каменного века впадают в грех обжиралова, в неумеренных количествах потребляя пищу, которую все равно выбрасывать. Кончается это, как правило, плохо – постоянная голодная жизнь, чередующаяся с разовым невероятным обжорством, приводит к очень высокой ранней смертности.

Но в данном случае ничего подобного членам клана Огня не грозило, потому что вот уже два с половиной месяца они имели трехразовое обильное питание с большим количеством жира, мяса и рыбы. Еще в середине августа Сергей Петрович заметил, что у женщин, девушек и детей – что бывших Ланей, что полуафриканок – пропал тот особый голодный взгляд, который был у них очень ярко выражен в самом начале. Теперь женщины и девочки ели, чтобы насытиться и ради удовольствия, а не в запас, как это было в голодные времена. Но при этом никто не позволял себе кидаться едой, или оставлять в миске недоеденные куски. Взяла что-то из общего котла – будь добра съесть все до конца, ведь эта еда – результат тяжелого труда твоих товарищей по клану. Любимую западную забаву – кидаться тортами – тут бы категорически не приняли и осудили, а людей, практикующих такое, изгнали бы из клана и племени, как ужасных извергов и извращенцев. А это, конечно же, верная смерть. В общем, пищу народ употреблял, как говорится, культурно, получая наслаждение от вкуса и аромата, а не от количества.

– Жаркого должно хватить и на завтрак, – сказала Марина Витальевна, проверив содержимое котла, – надо только чуть пожарить рыбки, в качестве небольшого довеска.

Но и костер, в который народ подкидывал все новые и новые дрова, и торжественная часть, и пляски до упаду, и праздничный ужин далеко не исчерпывали намеченной Сергеем Петровичем программы. На самое сладкое и самое вкусное оставалась еще брачная церемония для тех последних не беременных женщин, которым наконец было позволено обрести свои семьи. После этого все – незамужними оставались только обладательницы больших животов, которым сейчас надо думать не о мужиках, а о своих будущих детях. Об остальном позаботится клан Огня – и точка.

Завершив все церемонии, прямо от праздничного костра семейство Сергея Петровича, прихватив всех троих новых жен, отправилось в баню, потому что сегодня по очереди был их банный день. И тут же на пороге, как чертики из табакерки, возникли дополнительные невесты Сергея – Сэти и ее товарки, настаивающие на том, что раз уж они невесты, то и в баню должны ходить вместе со своим будущим мужем. А баня маленькая – на толпу в пятнадцать человек не рассчитанная (это если считать дочерей Фэри и Мани). Пришлось Сергею Петро-

вичу объяснять девочкам, что если они хотят попариться со своим будущим мужем, то должны подойти попозже, когда из бани уйдут дети и те женщины, которые сегодня рассчитывают в бане только помыться. И вот тогда Сергей Петрович и его старшие жены с удовольствием попарят всех своих будущих невест, ибо семья шамана Петровича и в самом деле их семья. А пока мол, погуляйте, поведите хороводы, попойте песни, порепетируйте, короче, будущий праздник осеннего равноденствия.

Девки, ага, согласились с шаманом Петровичем, что час или полтора им погоду не делают, но чтоб зато потом все было как в настоящей семье. Только за исключением делания сладкого, на что Петрович им, к их сожалению, наложил табу. Но свое они возьмут – даже не сомневайтесь.

* * *

16 сентября 1-го года Миссии. Суббота. Пристань Дома на Холме

В этот день, после обеда, при полном присутствии всего народа, в будущий цоколь Большого дома была торжественно уложена первая полоса бетонного раствора под ленточный фундамент, поверх бетонного раствора была также торжественно раскатана первая двадцатиметровая полоса армирующей сетки, а поверх сетки уложены первые – можно сказать краеугольные – кирпичи, которые заранее, с утра, были вымочены в наполненной водой и выстеленной пленкой специальной яме, после чего работа на кладке цоколя закипела вовсю.

По нормативам советского времени за один день положено укладывать не более четырех рядов кирпичей, иначе стена может «поплыть», теряя форму. Сергею Петровичу для выкладки цоколя, который должен быть не ниже семидесяти пяти сантиметров, таких рядов требовалось выложить одиннадцать. То есть задача на три дня работы. Если самые нижние три ряда сегодня он планировал класть на цементном растворе, то уже завтра-послезавтра придется переходить на цементно-известковый раствор, используя известковое тесто собственного производства. На этом привезенный с собой цемент будет израсходован полностью.

Что касается возможности уложить эти четыре ряда за один рабочий день, то Сергей Петрович в своих расчетах опирался на старый советский норматив, в котором говорилось, что один рабочий должен укладывать не менее четырехсот кирпичей за одну рабочую смену. По подсчетам Сергея Петровича, на четыре ряда цоколя должно было уйти чуть больше шести тысяч штук кирпичей – то есть это была работа для пятнадцати каменщиков вместе с подсобными рабочими. В бригаде Лизы, профильной по этому занятию, было восемнадцать девушек, имевших подготовку и практику куда выше начальной, причем трое из них стояли на бетономешалке. Кроме того, у них на подхвате было восемь полуафриканок – четыре из бригады Андрея Викторовича, две из бригады Сергея Петровича, и две из бригады Антона Игоревича. Так что четыре с половиной тысячи кирпичей в первый рабочий день, и по шесть тысяч за два последующих дня подчиненные Сергея Петровича могли уложить запросто. Соответствующий опыт у бригады Лизы есть, материалы для них подготовлены заранее – в общем, для того, чтобы не справиться с задачей в таких условиях, надо постараться особо. Но девочки знают, что работают для себя, а не для кого-то еще, поэтому стараются изо всех сил. Психология первобытного коммунизма в чистом виде – при том что она подкреплена соответствующими знаниями и начальной технической базой.

Именно поэтому перед началом работ Андрей Викторович покопавшись в своем гараже, вытащил большой, метр на два, ярко-алый флаг СССР, который лично поднял на пятиметровом флагштоке, изготовленном из прямого стволика молодой сосны и установленном чуть в стороне от стройки. Потом, когда стройка будет закончена, этот флаг должен будет вечно развеваться над их Большим Домом. А вам слабо поставить себе задачу создать такое общество у

начала времен, чтобы оно никогда не перешло к эксплуатации человека человеком? Чертовски трудная, почти невыполнимая задача, но наши герои за нее взялись.

Непосредственное начало стройки Большого Дома означало, что клан Огня перешел к последнему этапу своей подготовки к зиме, после завершения которого чисто материальные проблемы клана Огня в основном будут полностью решены, и до наступления весны можно будет перейти к духовному самосовершенствованию методом созерцания собственного пупа. Шутка!

Человек так уж устроен, что текущее материальное положение его никогда не удовлетворяет. Ему все время хочется чего-то большего – например, птичьего молока или сала в шоколаде, а когда он это получает, то оказывается, что это совсем не то. Это была еще одна шутка!

На самом деле даже после постройки Большого Дома предстояло еще множество важных и этапных работ. Например, лососевая путина или большая охота на севере в тундростепи на что-нибудь особо мясисто-шерстистое. И если с вывозом шкур издалека больших проблем, скорее всего, не возникнет, то увезти все добытое на такой охоте мясо будет просто невозможно. Скорее всего, надо будет скооперироваться с каким-нибудь местным племенем, попросив предоставить загонщиков для облавы, и за это пообещав оставить им большую часть добытого мяса. В любом случае без клана Огня местные добудут значительно меньше пищи, да еще и с риском для жизни таких ценных и невосполнимых охотников. Вот приплывет на лов лосося клан Северного Оленя, из которого происходит Фэра – тогда Сергей Петрович и Антон Игоревич смогут потолковать с ее братом, который вроде бы там вождь. А пока лучше не заморачиваться с этой проблемой – у клана есть задачи и поближе.

Часть 10. Свалившиеся на голову

1 мая 2011-го года. Воскресенье. Около полуночи. Франция, департамент Жиронда, автодорога местного значения D2 между городками Суссан и Марго

Группа лучших учащихся государственного универсального лицея Эжен Ионеску, премированная на день труда 1-го мая однодневной поездкой в туристический центр расположенного на берегу Жиронды городка Пойяк, возвращалась домой в пригород Парижа Медон. Туристический автобус Neoplan N3316 «Euroliner», рассекая ночную тьму светом восьми мощных фар, двигался по кривой, словно змеиный след, дороге местного значения. Утомившиеся за день, проведенный на природе, юноши и девушки, а также сопровождающие их педагоги дремали в мягких креслах при свете тусклых дежурных ламп.

Они ловили в пруду на удочку рыбу, тут же выпуская ее обратно, жгли костры под строгим присмотром гида на специально отведенном для этого месте и соревновались в поджаривании на углях привезенного с собой мяса, а также занимались веселыми играми на свежем воздухе. Мальчики постарше, из первого выпускного класса (они же дети, всего-то по семнадцать лет), сумели провезти с собой контрабандой вино и потихоньку угостились, вдобавок угостив и некоторых девиц. И только довольно прохладная пасмурная погода, не дала перерасти мелким эротическим шалостям в нечто большее, после чего девочкам бывает безумно стыдно оттого, что у них начинает расти живот. Ну вы меня поняли. Особи уже половозрелые – а небольшая порция выпитого на голодный желудок вина и праздничное настроение отнюдь не способствует скромности.

Дремала – а точнее, откровенно дрыхла без задних ног – и назначенная ответственной за поездку преподавательница полового воспитания мадмуазель Люси д'Аркур – тридцатилетняя девушка, наделенная множеством достоинств и еще большим количеством недостатков. Главными ее достоинствами были университетский диплом и значительный опыт работы в самых разных образовательных учреждениях, а недостатками – все остальное, то есть тощая, как у вяленой воблы, фигура, характер как у голодной гадюки, аристократическая спесь, которой хватило бы на трех Марий-Антуаннет и убеждения закоренелой феминистки, отрицающей все, что естественно для человека, и превозносящей все противоестественное. К своим подопечным она относилась с легким, плохо скрываемым презрением и пренебрежением, потому что лицей Эжен Ионеску был государственной школой, в которой бесплатно учились дети разного рода неудачников и эмигрантов. Настоящие сливки общества, считала она, должны учиться в частных или, на крайний случай, католических лицеях, где существует ежемесячная оплата за образование – побольше в частных, поменьше в католических школах.

Сон сморил и ее помощницу, в какой-то мере являвшуюся прямой противоположностью своей начальнице. Студентка выпускного курса педагогического университета, она проходила в лицее Эжен Ионеску практику перед тем, как получить право самостоятельной педагогической работы. Девушку звали Ольга Слепцова, она была русской по крови и напрямую происходила от русских эмигрантов еще той первой послереволюционной волны.

Ее прадед штабс-капитан Иван Слепцов прибыл во Францию после того, как бушующие волны гражданской войны вышвырнули из России его и еще около ста тысяч таких же осколков прошлого мира. С тех пор Слепцовы в России не бывали, хотя и поддерживали в своей семье идеальное знание русского языка. Не ступали они на землю Родины ни в качестве туристов, ни в обозе германских завоевателей, сперва торжественно промаршировавших до Москвы, а потом бежавших до самого Берлина. Большевиков (еще в том, старом понимании) Слепцов-старший не простил, но за взятый штурмом Берлин сильно зауважал, потому что в его понимании именно так и должны заканчиваться все войны.

Ольгу с детства воспитывали в русских традициях, так как это понимали русские эмигранты – то есть самовар, сарафан, коса до пояса и Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин в качестве культурной программы. Конечно, в чрезмерных количествах такая программа способна взбунтовать и буриданова осла. Едва окончив лицей, Ольга обрезала косу, переделалась в джинсы и ушла жить в студенческий кампус при университете. Свою начальницу она, как бы это сказать, слегка недолюбливала, считая ее чокнутой душой, почти что сумасшедшей, заикленной только на своем феминизме. Парней Ольга любила, но в ее представлении они должны были быть одновременно и умными и сильными, а таковых ни среди ее соотечественников-эмигрантов, ни тем более среди французов как-то не попадалось.

Среди юношей и девушек, учившихся в лицее Эжен Ионеску и поехавших на праздник к теплому морю, были еще двое русских учеников. Одна из них – Марина Жебровская из выпускного класса, которую французские соученики звали Марин – роскошная семнадцатилетняя блондинка, тоже, как Ольга, представляющая старые семьи русской эмиграции. Вторым был Николай Петровских – шестнадцатилетний сынок бежавшего из России в связи с уголовным делом нового русского, мальчик этот был Ольге крайне несимпатичен из-за свой заносчивости и брезгливого пренебрежения соучениками. Почему родной папенька со всеми его честно сжиженными миллиардами, которые он увел с государственных подрядов, не отдал сынка в частную школу – было для Ольги загадкой, но у беглого нувориша, видимо, были свои принципы. Например, никогда не платить за то, что можно взять бесплатно.

Остальные ученики представляли из себя полный социальный срез парижского пригорода. Не совсем дно, но и не кварталы для богатых. Одна девушка-метиска, порождение бурной любви француженки и заезжего араба, прикидывающегося шейхом; и один юноша-мулат, чьи родители переехали с Мартиники поближе к столице в поисках счастливой жизни. Остальные же их соученики происходили из местных французов с самыми что ни на есть исконными корнями; и несмотря на это, особых перспектив жизни не имели, поскольку безработица среди молодежи во Франции достигает двадцати пяти процентов, а среди выпускников бесплатных государственных школ она еще выше.

Итак, все в этом автобусе спали, один только водитель, сорокачетырехлетний Ален абд аль Рашид (француз-алжирец в третьем поколении) бодрствовал, внимательно вглядываясь в ночную дорогу, пустынную в этот час. Из-за ее извилистости он не рисковал разогнаться больше пятидесяти километров в час, а сейчас даже еще больше сбросил скорость в том месте, где почти сразу после выезда из Суссана дорога, огибая подножье холма, проходила через небольшой лесной массив. И вдруг свет фар уперся в появившееся прямо впереди на дороге колеблющееся пятно непроглядной черноты.

Водитель едва успел ударить по тормозам, как тяжелый двадцатипятитонный автобус, оставив на асфальте короткие, будто обрезанные тормозные следы, нырнул в это чернильное пятно, которое поглотило его весь без остатка. Асфальт под колесами кончился и тяжелую машину затрясло на ухабах поросшего редкими соснами косогора. Потом прямо перед капотом в свете фар выросло огромное дерево... Последовал тяжелый удар, сопровождаемый звуком выбитого лобового стекла – и автобус, перекосившись на правую сторону, остановился. Изумленная тишина, продержавшись около десяти секунд, взорвалась отчаянными криками.

– Что происходит?! Что происходит? – кричат напуганные, неожиданно разбуженные люди, непонимающе озираясь вокруг.

Но громче всех паникует мадмуазель Люси. Она исступленно визжит, выкрикивая нечто нечленораздельное, и понять ее абсолютно невозможно.

Первой пришла в себя Ольга. Она расстегнула ремень безопасности и пробралась к водительскому месту, где ее ожидала прискорбная картина – водитель мертв или вскоре таковым будет. Невесть когда обломанный сук дерева, в которое врезался автобус, выбил лобовое стекло и, как жука на булавке, пригвоздил водителя к креслу. С такими ранами не живут, даже будь

тут под рукой скорая помощь, санитарный вертолет и готовая к работе операционная с полной бригадой хирургов. Но тут нет ничего, совсем ничего – исчезли огни многочисленных городков и деревень, исчезла дорога под колесами, исчезли распаханное поле и виноградники, которыми так славится Жиронда; только густая тьма вокруг и пузырящаяся кровь на губах умирающего, и больше ничего...

Это та самая аномалия, через которую четыре месяца назад проникли в каменный век основатели клана Огня, совершив длительное путешествие под материком Европа, снова вынырнула на поверхность на юге Франции. Только в этот раз она двигалась гораздо быстрее, чем тогда под Петербургом. Еще полчаса назад ее не было на этой дороге, полчаса спустя ее уже там не будет.

* * *

30 сентября 1-го года Миссии. Суббота. Около полуночи. Примерно два километра юго-западнее Большого дома

Ольга Слепцова

Я, довольная и утомленная, блаженно дремала в своем кресле под убаюкивающее урчание мотора и покачивание автобуса. Все случилось так неожиданно, а переход от сладких сновидений к жуткой реальности катастрофы был таким внезапным, что сначала я подумала, что я все еще сплю, и происходящее в автобусе – это просто снящийся мне кошмар. Секундная тишина после удара сменилась страшным криком барахтающихся, перепуганных людей. Плач, вопли, чья-то иступленная молитва – вся эта какофония ужаса наполняла все мое существо осознанием чего-то непоправимого. Парни орали громче девчонок, а яростнее всех, как сирена атомной тревоги, вопила сама мадмуазель Люси.

За окном неприветливо чернел довольно странный, непривычный ночной пейзаж. Однако мне было не до разглядывания видов – нужно было как можно быстрее разобраться в ситуации и по возможности остановить панику.

Я отстегнула ремень безопасности и, привстав со своего места, посмотрела вперед, чтобы составить хотя бы приблизительное представление о произошедшем. Тускло-синеватое дежурное освещение усиливало впечатление катастрофы, придавая всему оттенок некоторой жутковатой потусторонности. Мне был виден перекошенный вправо салон автобуса, на полу валялись попадавшие с полок сумки учеников, а впереди моему взору предстало покрытое паутиной трещин, наполовину выбитое лобовое стекло, причем само отверстие приходилось как раз напротив места водителя.

Встав со своего места в самой задней части салона и цепляясь руками за покосившиеся спинки сидений, я прошла вперед по салону, пытаюсь успокоить кричащих и плачущих пассажиров, говоря им, что все кончилось, мы все живы и при этом не тонем, не горим и в нас никто не стреляет... А ведь я была всего-то на шесть-восемь лет старше, чем они, и в глубине души отчаянно трусила, даже еще не понимая, что же с нами произошло – но я была старше их, считалась взрослой и должна была держать себя в руках. А эта мадмуазель Люси – чего она там орет будто резаная, из-за ее недостойного поведения я не могу окончательно успокоить учеников. Интересно, почему это она так надрывается, ведь, насколько я могу теперь судить, не произошло ничего по-настоящему страшного...

Когда я добралась до передней части автобуса, то причина такой паники и общей невменяемости мадмуазель Люси сразу стала мне ясна. Обломанный сук дерева, в которое уперся наш автобус, толщиной с руку сильного мужчины, выбил лобовое стекло и насквозь пробил живот водителя вместе с его креслом, и заостренный конец этой ветки, должно быть, скрывался под расположенным на метр выше пассажирским креслом мадмуазель Люси. Именно от вида этой окровавленной оглобли, протянувшейся между ее тонких кривых ног, обтянутых

светлыми джинсами, мадмуазель Люси и вопила так, как будто это из нее живьем выпустили кишки.

Заглянув за легкую перегородку, отделяющую пассажирский салон от места водителя, я увидела, что несчастному уже ничем не помочь. Он был пробит этой оглоблей насквозь, и из раны ему на колени лезли окровавленные багрово-сизые кишки, и кроме того, у несчастного должен был быть поврежден позвоночник. Мы не сможем даже снять его с этой деревянной булавки, потому что ее для этого потребуется перепилить сук, или отогнать автобус назад, что сделать было невозможно, потому что никто из нас не знал, как завести мотор и управлять автобусом.

Но проблемы надо решать по очереди, а сейчас главной и первоочередной из них была мадмуазель Люси, не уняв которую, невозможно было заняться ничем остальным. Все попытки воздействовать на нее вербальными средствами не приносили никакого успеха, и я, как следует размахнувшись, дала ей хорошую такую пощечину, от которой на щеке мадмуазель Люси образовалось большое красное пятно, а голова мотнулась из стороны в сторону, как у безвольной куклы. Однако она моментально заткнулась и теперь лишь открывала и закрывала рот, глядя на меня с выражением изумления, смешанного с негодованием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.